



12+

Владимир Ерошенко

ЗАОБЛАЧНЫЙ ЦАРЬГРАД

Владимир Максимович Ераносян

Заоблачный Царьград

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56058784

SelfPub; 2022

Аннотация

Путь из варяг в греки всегда манил регента Олега, побратима конунга Рюрика и наставника его единственного сына Ингвара, известного как княжич Игорь. Завоевание Царьграда, столицы Византии, превратилось в цель всей его жизни, и свои мечты он передал воспитаннику. Мечтой о покорении Царьграда Олег заразил и славян. На этом пути и Олег, и Игорь, и сын Игоря Святослав столкнулись с заговором влиятельных воевод, потомков викингов. Киевский престол интересовал их гораздо больше, чем несбыточная иллюзия...

Владимир Ераносян

Заоблачный Царьград

Моей любимой «царевне» Елене, трем моим «княжичам»-сыновьям и моей мудрой Матушке, дай Бог ей здоровья, посвящается роман вашего мужа, отца и сына Владимира

Падение начинается с осады...

В IX веке, в эпоху раннего Средневековья, разрозненные племена славян раздирали междоусобицы. Этим воспользовались хорошо обученные военному и морскому делу скандинавские ярлы, именуемые в славянских землях варягами. Сломив сопротивление самых воинственных племен, варяги ограбили и обложили данью городища балтов, чуды, кривичей, ильменских словен, покорили мерю и муромов. Затем они продвинулись на своих ладьях по Днепру с севера на юг к землям древлян, тиверцев и дреговичей, где столкнулись с могущественными и коварными врагами – Хазарским Каганатом, Болгарским царством и Византией.

Чтобы не пасть под ударом грозных армий и их кочевых наемников-печенегов, возникла необходимость создать новое государство и объединить под знаменем конунга Рюрика всех, кого еще недавно варяги считали противниками. Со-

здание общего войска варягов и славян стало вопросом выживания... Империи были сильнее, их крепости считались неприступными. Но путь из варяг в греки был проложен. На севере зародилась новая сила, способная сокрушить доселе непобедимые цитадели. Все стали называть ее Русью...

Глава 1. Князь и княжич

Олег – полновластный владетель Киева-града, новой столицы молодой Руси, смотрел на своего воспитанника глазами не регента, но доброго опекуна. За долгие годы правитель русов и сам-то считал, что заменил Ингвару, сыну почившего в Новом Граде конунга* Рюрика, настоящего отца.

– Князь, а почему у отца не было больше сыновей? – вопрошал отрок.

– Были, но предусмотрительный бог Один* забрал их до срока... – отвечал, погладив длинный ус князь, вспоминая все жертвы, которые он и его сестра Умила принесли своей совести, чтобы в окрестностях Старой Ладogi не осталось ни одного бастарда ушедшего в лучший мир конунга.

Юноша закрыл глаза, чтобы что-то представить, но дядя перебил его мысли, продолжив:

– Не кручинься. У тебя остались сестры. Твоя мать, бедная Умила из Уппсалы, боролась за тебя, потому что знала, на что способны завистливые ярлы, и до чего человека может довести жажда власти.

– А где сейчас моя мать? Я скуочаю по ней.

– Она пребывает там, где положено быть любимице конунга, с твоим достойным отцом. Их огненная ладьа ушла за горизонт. Такова была воля моей сестры, и я не смог перечить. Она была вельвой-провидицей, подобной Фригг, и верила, что после земной жизни окажется с твоим отцом прямиком в Вальгалле и там так же, как Фригг у Одина, будет возлюбленной конунга. Разве мог я воспротивиться тому, что было ее единственным утешением после смерти твоего отца?...

Глаза Ингвара увлажнились. И Олег, заметив это, в глубине души даже обрадовался. Не часто можно было увидеть варяжские слезы даже на челе отрока, тем более сына конунга... И только Олег видел мальчика насквозь и знал путь к его сердцу.

***Конунг** – у древних скандинавов лицо, наделенное верховной светской властью. Под управлением конунга находятся ярлы племен, обязанные предоставить конунгу вооруженное ополчение по первому зову. *(Прим. автора)*

***Один** – глава пантеона древнескандинавских богов, покровитель военной аристократии. Верховный бог, пожертвовавший правым глазом для того, чтобы испить воды из источника мудрости. Супруга – Фригг, провидица, которой известна судьба любого человека. Согласно мифам викингов Один будет убит чудовищным волком Фенриром. *(Прим. автора)*

Этот зеленоглазый мальчонка с вьющимся клоком светло-русых волос и выбритыми под ноль висками и затылком сызмальства относился почтительно к своему дяде-опекуну. При этом Игорь, так называли его славянские подданные, был слишком юн, чтобы научиться лести и хитрости, и не искушен, дабы проявить известное в среде варяжских ратников вероломство.

С самого начала отрок был покладист и не задибался, не кичился происхождением и всячески выказывал уважение старшим. Этим Игорь заслужил одобрение и любовь признанного дружиной и воеводами за доблесть и разум нового конунга Хельга, прозванного ильменскими словенцами, криками и чудью князем Олегом, вещим аки боги.

Единственный недостаток княжича обнаружился в излишней горячности, выливающейся в поспешное принятие решений. Игоря можно было раззадорить, в умелых руках он мог стать орудием чужой мести и реализации чужих планов.

Олег надеялся, что эти понятные пороки, свойственные молодым, легко сотрут годы, и в нужное время его воспитанник будет достоин славы и мудрости своего отца, приведшего их в земли необузданных славян и смирившего эти многочисленные племена дикарей силой варяжского меча.

К новому имени Олег привык. К мальчонке тоже. Но более привычки Олегу было как воздух необходимо знамя. И этим знаменем на его ладьях могли быть лишь красные па-

руса с летящим вниз за добычей соколом, гербовым знаком отца Игоря, конунга Рюрика. Иначе управлять воеводами, которые в узком кругу так и норовили величать себя ярлами, не представлялось никакой возможности.

Именно они, вечно недовольные и жадные до добычи да новых земель, были главной опасностью власти князя. Они, окаянные... Не каган Хазарии Аарон, не император Ромеи – великой и сказочно богатой христианской Византии – Лев по прозвищу Философ, а те, кто ближе всех, кто знает слабые места, кто может воспользоваться своим знанием и предьявить права на трон русов.

Олег всегда чуял беду, именно поэтому он расправился с Аскольдом и Диром, такими же как он воеводами при Рюрике, отличавшимися от него только одним – полным отсутствием уважения к династии. Пусть даже эта династия гонима с родных земель на берегах Варяжского моря и решила обосноваться в новом неизведанном мире, чтобы когда-нибудь достаточно окрепнуть и благодаря Одину или новому славянскому богу Перуну вернуться домой. А там взять то, что ей принадлежит по праву.

Так размышлял князь, думая и о том, что в излишней оседлости его рати, в новых привычках и новых богах так же таится немалая опасность. Русы обрастают семействами, уделами и теряют былой дух, который наводил ужас на соседей и смог сломить и горделивых древлян, и коварных хазар. Этой опасности можно было противостоять только одним

способом – нужно было сделать преимуществом то, что варяги считали слабостью. Необходимо было поделиться своей славой! Своим именем «русы»! Объединить несоединимое не под страхом, а добровольно. Увлечь чуждых походам и набегам землепашцев, звероловов и скотоводов своей целью, заразить своей удалей, создать доселе невиданную рать из разных народов и покорить весь мир...

– Хочешь сесть на этот трон? – поманил князь шестнадцатилетнего отрока.

– Этот трон принадлежит тебе, дядя. – потупил взор испуганный Игорь.

– Никогда не говори такие глупости, твоя мать из рода влиятельного ярла, как и я, но твой отец – конунг, изгнанный хитростью вероломным Хориком, сам милосердный Рюрик, призванный словенами на правление только потому, что не накладывал нестерпимого ярма на покоренных, уважал их мнение не в пример некоторым из наших кровожадных воевод и дружинников. Рюрик всегда довольствовался малым и не гневил богов неблагодарностью. Он был лучше всех нас. И все любили его. Его чтители воины, от него млели женщины, его боготворили даже рабы. А ты его потомок. Сядь.

Князь уступил место княжичу. Игорь со смущением подчинился и уселся на огромный дубовый трон с резными подлокотниками в виде оскалившихся медвежьих морд.

Олег встал сзади и прошептал в ухо юному соправителю свое наставление:

– Гнев и жадность – вот что предстоит одолеть князю. Гнев там, где нет мудрости. Жадность там, где возникает зависть. Славянские князья молились разным богам, но только Один добровольно лишился глаза, чтобы испытать из источника мудрости. Только Один постиг силу рун и перевоплощений. Все предают, когда им выгодно, но только Один знает цену предательства, и только он один может понять, почему мы должны предать своего бога...

Влетевшая в тронный зал ворона словно подтвердила присутствие одноглазого бога, но Олег резко бросил в ворону щит, раздавив несмышленную птицу.

– Предать? – спросил Игорь.

– Именно, предать! – повторил Олег. – Волхв Деница, который все время со мной, ты знаешь этого ведуна... Он все предвидит. И передает мне свое знание. Он открыл мне глаза, чтобы я закрыл последний глаз Одина. И ты не бойся этого... Так надо. Один оказался не таким сильным и не таким мудрым. Источник, откуда он черпал силы иссяк. И он не смог одолеть волка, пусть даже самого свирепого... Эти боги! Их не стоит бояться, раз их можно менять...

Княжич вспомнил косматого рыжебородого старца с оспинами на лице и с морщинистыми как у рептилии руками, в длинной льняной рубахе и войлочной шляпе, который всегда следовал в обозе за дружиной... Даже когда князь отправлялся в полюдье за данью... В последний раз он видел старца, вырезающего руны, когда из Хазарии от кагана и бе-

ка приехали раввины.

Князь в тот день по научению волхва, не принял дары Аарона, лишь обменяв мечи на хазарские палаши и сабли. Потом дружина смеялась: смерд-слуга, знавший язык иудеев, передал подслушанный разговор посланников кагана. «Их мечи заострены с двух сторон, а сабли кагана только с одной. Их не победить, подкупим же их. За серебро они обратят свою мощь против наших врагов»...

На переговорах, зная мысли посольства, Олег потребовал у кагана отказаться от прежних данников-северян и вятичей и платить серебром за рабов, которых русы станут приводить в Казар-сарай, именуемый Итиль по названию реки-житницы. Иначе же, коли каган не пойдет на условия русов, князь грозился обратить свои мечи и стрелы против Хазарии, а не против ее врагов-мусульман, затаившихся за дербентской стеной и готовых напасть с юга. Именно туда, как услышали раввины, засобиралось все воинство русов, готовое грабить мусульман за стеной и делиться трофеями, если каган соизволит пропустить целую армию по своим владениям. У кагана не было выхода. Разве что согласиться. Или принять бой...

Князь водрузил на голову шлем с бармицей и накинул плащ, призвав Игоря поторопиться. Княжич, выйдя за ворота крепостных стен, понял, что предстоит что-то очень важное и заранее приготовленное.

У башни их ждали оседланные кони и малая дружина.

Путь был недолог. Сперва верхом, потом на ладье. До высокого кургана на острове у излучины Днепра, где в святилище стояли славянские истуканы.

Местная знать из древлян, полян и кривичей под шаманские бубны и струнные гусли ведунов принимала клятву варяжской дружины. Так повелел вещий Олег, пообещавший вершить справедливость от имени нового бога Перуна—громовержца, покровителя витязей и судьбы.

Присягу скрепили жертвоприношением, казнив полоненных рабов из тиверцев и уличей, составивших рать против власти князя, и пронзив мечом знатного вятича, что водился с хазарами и служил сборщиком дани кагану. Их кровью окропили каменный алтарь ненасытного деревянного идола, которого поставил князь выше Одина и приказал именно этим истуканом клясться впредь своим ратникам.

И те подчинились, ведь князя никто не смел ослушаться не только из страха перед острием его меча, но и по весомости его аргументов.

Еще с весны, как началось полюдье, и выяснилось, что далеко не все данники довольны пришлыми варягами, князь осознал, что вечно полагаться на силу все еще бодрого к походам, но уже изнеженного воинства он не может. Ради безопасности нового своего государства он принял чуждую веру, перенял язык и дал многочисленным племенам славное имя русов, объединив их и умножив свои силы десятикратно. И только так, никак иначе, он способен был сохранить

свою власть и распространить свое влияние на дерзких кочевников и самого Аарона.

Юный княжич Игорь смотрел на шесть костров вокруг каменного алтаря, в один из которых князь бросил гореть раздавленного ворона. Отрок прощался со старыми сказками и заблуждениями о божестве-жреце и воине в синем плаще. Он видел потирающего руки рыжебородого волхва и плачущего схимника-черноризца из Византии, которых рыдал над обуглившейся в костре Библии, каясь в своей неудачной попытке обратить проклятых язычников в истинную веру и предвещая недоброе.

Христианина не трогали, считая за юродивого. Олег хоть и верил в магию молчаливых слов, читанных греком с седой бородой, но не соблазнялся его проповедью, считая распятого бога слабым в сравнении с громовержцем славян. Ведь этот Бог по имени Иисус принял смерть от римлян по наговору черни безропотно, как агнец. И это непонятное воину поведение Бога не уживалось с представлениями варягов о силе и мудрости всемогущих небесных покровителей и жрецов-волшебников.

Славяне легко обучались военному делу и неприхотливости в походах. Опытные дружинники учили их держать строй, делать стену из щитов, осадному делу и элементарной фортификации. Они перенимали тактику боя викингов, среди них попадались отчаянные воины. Не такие свирепые, как посвятившие себя войне берсерки, орудующие одновремен-

но двумя мечами словно жонглеры. Но ведь такие мастера, для которых смерть в бою была ценнее мирной жизни, почти перевелись и в его дружине.

Новые подданные научились рубить длинный лес, строгать и шлифовать доски, чтобы строить ладьи, а их жены теперь плели лен для парусов. Примитивные верфи разрастались на Днепре. Флот укрупнялся. Шла подготовка к большой войне.

В воздухе снова витал запах предстоящих сражений. Кровь закипала при мыслях о походе. И эта предвоенная эйфория теперь трогала и славян. И они теперь предвкушали сладость легкой наживы и бесшабашного удальства.

Олег притворился почитателем их бога не зря, взамен он заразил их своей мечтой. И это была главная связующая сила сокрушительного воинства.

Консолидация славян с правящей верхушкой из неукротимых и энергичных русов обещала стать грозной силой. Олег проникся уверенностью. При наличии флота и новой преторианской гвардии из славян, он достигнет, наконец, того, о чем еще в Старой Ладоге он сговорился с Рюриком и что под силу только истинному царю. Он исполнит заветную мечту варягов.

Мечта же у всех у них была одна. Она озаряла и призывала к действию. И теперь она стала общей мечтой простых воинов-варягов, ярлов и вставшей под знамена нового конунга славянской знати-бояр. Она пьянила как мед. Она была да-

лекой и от этого еще больше желанной.

Эту мечту даровал всем своим подданным вещей Олег, славный победами. Теперь, после покорения чуди, северян, древлян, мери и муромов, дреговичей и радимичей, он возжелал осадить сам Царьград! И не просто потрепать окрестности христианской цитадели, не просто поживиться его несметными богатствами, а поставить великий город на колени, затребовать ежегодную дань и прибить щит с атакующим соколом к золотым воротам столицы мира как символ победы, или покровительства над Византией...

Глава 2. Русы.

– Вам это нравится!? – бесновался Свенельд, не по годам амбициозный военачальник, не собиравшийся расставаться с пророчествами рун и рогами на шлемах своих берсерков.

Он собрал верных людей в своих огромных палатах из соснового сруба, в дарованной регентом за храбрость вотчине, что простиралась на землях древлян за семью холмами от Киева, не в самых плодородных землях и не на самых лучших пастбищах, у дремучих лесов с непроходимыми и наполненными смрадом болотами.

– Нет! – кричали в один голос дружинники свирепого варяга. Они были с ним в боях, и им не нравилось, что князь-регент создает параллельное войско, передает варяжский опыт ведения войны славянским ремесленникам и зем-

ледельцам.

Мозолистые руки славян годились для плуга, не для меча. Князь Олег унижал варяжскую честь и тем, что отверг старых богов, заставляя их клясться громовержцем Перуном и скотьим богом Волосом. Неужто пантеон идолов этих подлых людишек достоин одинакового уважения с Одином и Фригг, неужто их кикиморы страшнее валькирий!

– Если князю нужно больше воинов, почему он не призовет наших братьев с Варяжского моря!? Почему обратил свой благосклонный взор на наших рабов, может он вооружает их против нас!? Может он боится нас?! Может он усомнился в нашей верности княжичу Ингвару?! Или забыл, что это не их, а наша мечта пройти из варяг в греки!? Что это наша жизнь – война!

– Война! – вторили хором берсерки, размахивая мечами и топорами.

– И только мы можем спать, накрываясь щитами, есть сырую пищу и пить кровь наших врагов из чаш, сделанных из их черепов!!! Мы русы! Они русские, наши рабы по праву!

– Да, Свенельд! – поднимали мечи в одобрении варяги. – Говори, что делать, Свенельд!

– Олег силен именем нашего конунга Рюрика. – поправив серьгу с жемчугом, болтающуюся на мочке, уже вкрадчиво молвил Свенельд. Ободренный поддержкой верных людей, он, наконец, решил изложить давно продуманный план, – Олег приготовил нам, своим соплеменникам, участь Асколь-

да и Дира. Вспомните, как он пришел к власти на наших копьях, и какую же мы получили благодарность, убив достойных воинов и возведя на трон малолетнего отрока, не проявившего себя в силу лет ни в одной битве?

Перед глазами воинов пронеслись дела давно минувших дней. Тогда под видом купцов, самые храбрые из них сели в ладьи, чтоб спуститься по Днепру к Киеву. Аскольда и Дира, знатных варяжских воевод пригласили на борт, чтоб осыпать дарами. Олег усыпил бдительность их немногочисленной свиты и приказал ударить им в спину. Он сказал: «Вы никто! Вы просто воины! А он князь! Истинный конунг!» Он показал на Ингвара, кто должен был жить и править, и воины отбросили кафтаны торгашей и обнажили мечи, чтобы сразить самозванцев.

Они выполнили приказ, убив соплеменников в угоду новому правителю. Но Олег узурпировал власть именем Рюрика, провозгласив, что править всеми землями может только наследник конунга и он, его законный и единственный регент.

Кто же знал, что спустя несколько лет, Олег возомнит себя императором, словно Александр Великий, променявший своих братьев-македонцев на мнимую поддержку новых васалов-восточных деспотов. Неблагодарный Олег. С каждым годом в нем было все больше высокомерия. Он тешил свое самолюбие, утопая в неге и роскоши. В его окружении появлялось все больше славянских бояр, коих он одаривал удела-

ми зачастую лучшими, нежели сородичей с Варяжского моря. Он нанимал все больше телохранителей не из русов, а из белых хорватов- великанов и кривичей, пока еще не способных одолеть берсерков, но уже научившихся огрызаться.

– Ничего! Мы не получили ничего! – продолжал Свенельд
– А все, что у нас есть, мы добыли сами! Своей собственной инициативой! Сами!

– Сами! – подтвердила дружина.

– Если б мы с оглядкой смотрели на регента, мы бы прозябали в нищете в захваченных землях, наполненных молоком и медом! Мы пришли сюда, чтобы идти дальше! А не осесть у этих вонючих болот! Скоро, через год или два, наших воевод заменят бояре-льстецы, окружившие князя-регента, и он променяет нас на них, как променял скандинавских богов, что водили нас к победам и склоняли многочисленные рати к нашим ногам, на богов славян! Не бывать этому!

– Не бывать! – в едином экстазе орали варяги, барабаня по щитам.

– Мы не допустим, чтобы регент прикрывался именем покойного конунга! И за нашей спиной собирал огромную армию! Эти мечи направлены против нас! Мы убьем Ингвара! Лишим Олега его защиты!

– Убьем Ингвара! – соглашались заведенные варяги, но даже в обезумевшей толпе, некоторые отворачивали головы от столь очевидного вероломства, направленного против невинного княжича. Многие переглядывались, кто-то опус-

кал взоры. Здесь пахло заговором.

– Но наш меч не коснется наследника конунга! Мы не посягнем на династию! – уловив настроение меньшинства, Свенельд смягчил риторику, – Мы просто не подставим свое плечо, когда предатели-славяне покусятся на жизнь отрока! Его смерть будет на регенте. Олег, только он виноват в том, что доверился дикарям и поклонился чужим богам!

– Да! – ликовали дружинники Свенельда. Они хоть и были дикими и кровожадными убийцами, но никто из них не хотел убивать княжича лично...

И все-таки заговор состоялся. И это был хитроумный план, в котором с Игорем должны были расправиться давние враги варягов, уставшие от их поборов.

При благоприятном исходе покушения Свенельд, не смотря на сверх-амбиции, не рассчитывал на трон в Киеве. Он желал одного: чтобы ему и его людям не докучали. А трон он добудет и в других землях! Без попечительства назойливого регента, который не сможет им управлять без герба Рюрика. Он всего лишь ярл, такой же и ничуть не выше!

Глава 3. Заговор.

...Все вотчины в период Полюдья с поздней осени до самой весны должны были возмещать Олегу, регенту княжича Игоря, расходы на строительство флота, содержание дружины и киевского городища. Это ложилось тяжким бременем

не только на ближние от Киева земли. Даже Новгород Великий платил триста гривен в год, что равнялось ста пятидесяти фунтам серебра.

Древляне, народ вольный и своенравный, роптали пуще всех. Нарастало недовольство. Ненависть витала в воздухе в их столице Коростене, обнесенном бревенчатым частоколом над неприступными рвами, грозя неповиновением и бунтом...

Неподалеку от Киева в тайном месте у опушки леса, окаймленном непроходимыми болотами, выставив посты и дозоры, встретились Свенельд, молодой воевода самой крупной после княжеской дружины и правитель древлян, средний годами жестокий язычник по имени Мал.

Больше года назад Свенельд, заручившись грамотой с соколом на воске и вензелем Рюрика, обложил Мала и его племя непомерной по тем временам данью. И хотя сделал он это от имени Олега, до великого князя доходили лишь шкуры черных куниц искусных лесных звероловов, небогатых, по словам сборщика дани Свенельда, на ценности.

Остальная же мзда с древлянских дворов, не учтенная дружиной Олега и киевскими боярами, оседала в закромах хитрого воеводы. У древлян было, чем поживиться. До прихода русичей именно они терзали соседей набегами, промышляли грабежами и воровали невест у миролюбивых полян. Серебро они закапывали в землю. И Свенельд, прознав сее, нащупал золотую жилу.

Удельные владыки-городские старейшины, науськиваемые жрецами, и знать, потерявшая вес и статус, искали способ избавиться от пришлых русов, или хотя бы ослабить их гнет. Хотели вернуться к старым порядкам, когда можно было безнаказанно совершать набеги из дремучих лесов на беспечных полян. И не бояться княжеского суда, скорого на расправу.

Для этого древляне искали союза как в далекой Хазарии через агентов кагана, выведывающих слабину в русском княжестве, так и в окружении ненасытных варягов, надеясь на внутренние распри, подобные той, что случилась три зимы назад, когда спустившиеся по Днепру с Любича ладьи привезли в Киев смерть, сменив власть одних осевших в славянских землях варягов на других, в пользу малолетнего сына Рюрика при регентстве могущественного Олега.

И, конечно же, древляне, уличи, вятичи, северяне, белые хорваты, все племена, что были притеснены, вооружались. В гончарных оборудовались кузницы, под волчьими шкурами охотничьей добычи прятались в зерновых амбарах и лесных острогах латы и кольчуги.

– Мал, я ведь знаю, что ты меня ненавидишь. И что ты готовишь восстание! Неужто осмелишься мне угрожать? – с презрением прошептал Свенельд на ухо своему знатному гостю.

– Если бы я хотел ссоры, то первым бы делом пошел бить челом князю Олегу, поведал бы ему о размерах взятой в По-

людые с древлян дани, чем вызвал бы гнев регента на твою голову... – негромко, но глядя прямо в глаза варягу, прошипел Мал. И добавил, выдержав паузу, – Да, я тебя ненавижу, а ты нас презираешь. Что может быть хуже презрения, когда тебя пользуют словно раба, не замечая чувств и боли... Когда от тебя ждут безропотного подчинения и не воспринимают за равного по силе. Когда тебя не боятся...

– А чего вас бояться? – подначивал воевода, – Это Олег вас боится, раз признал ваших деревянных идолов, которых стоило пустить на дрова для погребения мертвых.

– Он, как и ты, не боится нас, – задумчиво изрек Мал, – просто он хитрее тебя, и он строит империю, подобно хазарам и ромеям. Ему претит нажива без смысла, теперь он хочет величия и единовластия. Поклонения себе словно богам. Он не чтит наших идолов, а не отверг их только потому, что решил говорить с нашим вольным народом устами жрецов. А чего хочешь ты?

– Я готов избавить тебя от дани за одну услугу. Для этого ты здесь и мы говорим на равных. Ты ведь этого хотел? – усмехнулся Свенельд.

– Я слушаю тебя... – удивился Мал. Из сделки с врагом всегда можно извлечь пользу, если дело касается другого врага...

Правитель Коростеня жестокий Мал не умел улыбаться. Так говорили в народе. Его боялись. А после того, как Мал вошел в капище и заколол жрецов Перуна только за то, что

они возблагодарили богов за вразумление чужеземцев, принявших веру их предков, Мал возложил на себя и духовную власть.

Весенние игрища, когда женихи умыкают невест, теперь начались по его велению. Девушки плели венки, напевая песни о русалках, и бросали их в Днепр, прося водяного доставить их к суженым и приговаривая:

– Сжался водяной, не топи веночек мой! Отнеси по реке милому, мимо водоворота и полыньи, от омута убереги. Не злись, не кручинься, девичью любовь не топи...

Юноши ловили цветочные ободки у берега и бежали к девицам, предварительно сговорившись с красавицами. Костры уже горели. Мед варился. Игрища у костров и шалашей из ивовых прутьев и камыша сулили веселые хороводы допоздна и нежность бархатной весенней ночи.

Один венок из душистых фиалок и васильков с алой ленточкой, продетой в берестяной обруч, предназначался ни кому-нибудь, а самому Малу. Нет, Мал не ждал невесту. Этот венок сплела его дочь, первая красавица Коростеня.

Любой, кто выловил бы этот венок, должен был доставить его вождю племени. Никто не знал, что ожидает гонца его счастья, смерть или награда...

Тот, кто станет зятем Мала, претендовал на частицу его могущества и богатств, а значит, должен был быть готовым ко всему.

Мал ждал вестника на пеньке у дуба со своими телохра-

нителями.

Юноша, что принес венок, был незнатного рода, но был пригож собой и слыл хорошим охотником.

– Ты сговорился с моей дочерью? Ты люб ей? – спросил Мал, приняв выловленный венок из полевых цветов, который он не мог не узнать. Он ведь сам попросил дочь вдеть в него алую ленту. Теперь он ее вынул и зажал в ладони.

– Да, я...

Мал не дал ему договорить. Он встал, подошел вплотную и вынес свой вердикт:

– Докажи, что достоин со мной породниться. Убей княжича...

Глава 4. Пророчество.

Весна озеленила дубравы и рощи, трава после утренних дождей испаряла пьянящий запах свежести. Олегу хотелось дышать полной грудью, ощущая душой прелести умеренного климата и озирая просторы своей новой страны.

Там, у Варяжского моря, да и в Новгородских землях, суровые зимы и краткое лето. Ничто не растет без солнечной ласки. Милые взору фьорды, врезающиеся в скалистые берега, озера в северных землях, богаты рыбой, но он был из тех, кому претила беспросветная и тяжелая жизнь его племен, ютившихся в рыбацких хижинах. Снасти и сети они без сожаления поменяли на железо.

И он, и дружина, выкованная в воинских походах, заслужили жить в крепостях, во дворцах. Лачуги и каменистая почва, обделенная солнцем и трудно дающая всходы, теперь в прошлом. Здесь, у покоренных славян, простирались бескрайние плодородные земли и богатые кормом пастбища.

Он гарцевал в упоении видами на своем черном как смоль коне по прозвищу Локи, названном в честь хитрого бога огня за резвость и неудержимость. Свита из малой дружины не поспевала за ним. А повозка с рыжебородым ведуном и вовсе застряла на полпути.

Конь принес его к реке, широкой судоходной житнице, водном пути к заветной мечте. Он взирал на нее с высокого холма, стараясь измерить глазом бурное течение.

Олег любовался необъятностью Днепра и отчетливо представлял, как уже совсем скоро с десятков верфей спустят на воду тысячи ладей. Как на эту флотилию стройными рядами забираются по трапам сорок тысяч воинов, и как непобедимая громада внезапно окажется в водах Понтия, чтобы на всех парусах дойти до Босфора и высадиться в заливе Золотой Рог прямо у стен Царьграда.

– Боги! – крикнул в небо князь-регент, воодушевленный природой и ретивостью Локи, – Я обещаю вам сплавить свой флот с этих берегов! Я сделаю это, чего бы мне не стоила эта сумасбродная затея! Да услышат меня и старые, и новые боги! Река! Не устрашат нас твои гранитные пороги! Наши лоцманы и нырльщики знают, как их обойти! Да поможет

нам встречный ветер! Нет больше силы, способной удержать русов! Царьград! Мы идем к тебе! Русы идут! Жди, город тщеславный, столица надменная! Ромейская спесь нам противна! Нашелся народ посильнее Атиллы!

Локи вскочил на дыбы, но Олег удержался в седле, благодаря крепкой хватке за длинную черную гриву, дал под бока каблуками и помчался вдоль берега. Долго скакал по руслу великой реки дальше, вниз по течению.

Ветер мешал, но конь разрывал его встречные порывы. Олег вдруг подумал, что мощная армия греков с их натасканными в боях с сарацинами, именуемыми агарянами, легионами способна дать его дружинам сокрушительный отпор, но отогнал от себя недостойные воина мысли.

Будь, что будет... Есть ли достойнее смерть, чем пасть в схватке с врагом!? Есть ли слаще судьба, чем геройская участь варяга!? И существует ли что-то ценнее победы над превосходящим в числе и богатстве соперником!?

Все решено! Грядущая весна приведет их в Понтийское море и в подобие райских кущей, как именуют Царьград ученые мужи-греки, чей император умеет читать и сам пишет трактаты, делясь наставленьем! Хочет казаться умнее, чем есть.

Чтоб выучить жизни отсталых, ромеи придумали общие буквы. Они не глупы, распространяя учение слабого бога. Здесь византийская хитрость. Может тем самым они убеждают сопредельные племена, что только они милосердны и

достойны лидерства среди дикарей, живущих разбоем. Если и так, то не сравним ли он с хитроумными ромеями, утверждающими единого бога в пределах своей империи? Не то же ли самое предпринял и он, воспевая славянских богов в угоду порядку!?

Олег намеревался по случаю встретиться с Философом лично, до сечи, чтобы познать из первых уст, кто же достоин быть королем: тот, кто с рождения нежился в тепле, либо тот, кто познал холод и голод.

Он намеревался увидеть страх в глазах императора, и свернуть обе шеи двуглавному орлу византийцев, а главное, лишний раз убедиться, что интуитивный путь варяга к построению государства ничуть не уступает мудреным трактатам, нацарапанным магическими буквами ромеев, предназначение которых приукрашивать их победы и оскорблять доблесть захватчиков. Если б они, плескаясь в своих теплых морях и одеваясь в парчу, знали, что такое зима, то не судили бы строго людей с севера, пришедших погреться у общего солнца!

Олег возвращался в острог. Локи, пронесся возле повозки с волхвом и заржал, едва не задев копытом справляющего нужду волхва. Тот вдруг упал, проклиная коня и беснуясь над собственным конфузом.

Прибыв в палаты, князь распорядился привести к нему ведуна Деницу, не зная, что тот застрял у прачки, чтоб освежить свое одеяние.

Мелочь, но «рыжая борода» явился в мокрой одежде, чего Олег не заметил. Князь, поглощенный тревожными, но бодрящими, мыслями, желал выведать собственную судьбу у «божьего человека», который часом ранее не смог предвидеть и своего падения в собственные нечистоты.

– Хочешь ли есть? – пригласил князь к столу. Волхв промычал что-то нечленораздельное и прыгнул к миске с кусочками курицы. Он глотал мясо, не пережевывая, поглядывая искоса на князя. Тот не мешал, не тревожил, дал насладиться едой, нервно расхаживая по зале, иногда останавливаясь, будто стараясь припомнить что-то очень важное.

Он дал времени ровно столько, сколько понадобилось ведуну, чтобы опустошить миску с курицей и заесть ее куском ржаного хлеба, корка которого застряла в горле, и волхв едва не поперхнулся, однако прокашлялся и проглотил горелый кусок, как раз после вопроса князя:

– Наелся ли?

– Да будут довольны тобой боги, да возблагодарят великого князя за твою доброту ко мне, ничтожному твоему рабу и твоей неотступной тени. – обтирая длинной бородой жир на губах отвечал ведун, украсив лицо лстивой гримасой, пав на колени в наигранном подобострастии и приближаясь все ближе к властителю Киева.

Брезгливый князь отошел к трону и расторопно умастился на нем, чтобы продолжить разговор на дистанции:

– Что ожидает нас в южных землях? Победа или мы все

погибнем? Одолеем ли мы царство ромеев? Удастся ли приступ Царьграда?

– Князь! Не суди, коль скажу тебе правду! – молвил ведун, уворачиваясь от немедленного и прямого ответа. Мокрая рубаха послужила причиной озноба, дрожь на лице ведуна показала правителю сопутствием предстоящего откровения, нашептанного свыше и озаренного новыми богами славян.

Олег беспрекословно верил в пророчества этого проходимца, что всегда имел дерзновение выпрашивать жертвы к предстоящим походам и дерзким кратковременным набегам. Иногда он вещал о невинных младенцах, иногда говорил, какой именно способ убийства истребуют боги – разбитием головы, отрубанием, растерзанием, утоплением, удушением, закалыванием, сожжением... Никогда не обходилось без приношений.

Победы требовали не только разбрасывания ведических рун, но и гадания на углях, крови птиц и животных, умерщвлении девиц и старух. Почти никогда не рубили на камне мужей, разве что пленных.

Боги, служителем коих слыл сей шарлатан, родом из чуди, каждый раз предпочитали разные подношения, и о них, в силу своей болезненной экзальтации, лучше всех знало вот это доверенное существо, претендующее на авторитет скальда, мистика и провидца.

– Говори! – приказал Олег.

– Жертва поможет, на сей раз страшнее, чем прежде...

– вытаращив глаза, прошептал волхв, – То, что придется убить, в твоём сердце. От этого горько, но ты не желал бы из уст своей тени слышать лишь то, что услаждает твоё ухо.

– Говори! Не томи. Скальд мне не нужен, здесь полно скорморохов и карликов. Ты как провидец на службе! Я тебя почитаю за это! Ты никогда не ошибался. Предостерегал от поражений, которые не случились бы, слушай я тебя всегда. И не бойся сказать, даже если сделаешь мне больно! Кто на сей раз!? Он в моём сердце!? Ты говоришь о...

– Локи! Твой конь черногривый! Он нужен богам! В нём опасность! Если останется Локи живым – ты умрешь! – громко, как песнь, провозгласил волхв, и осмелев, встал с колен.

– Локи!? – поморщился регент, при этом выдохнув грудью своё напряжение от того, что на мгновение подумал, что волхв полоумный, шаман полунощный, мог произнести имя Игоря, сына Рюрика и его сестры, того, к кому он и вправду прикипел душой и запустил в своё сердце.

– Локи, мой князь. И неслучайно! – убеждал ведун, – Это не просто священная жертва! Именно в Локи погибель твоя! Не в ромейском копье, не в стреле кочевого народа, не в яде хазарском таится для тебя смерть. А в этом ретивом черногривом красавце, рожденном бурей любимце, он слился с тобой, только ты так искусно сумел его приструнить, приручить и объездить! Но избавься от Локи, и будет тебе не победа, а жизнь!

– Не победа, а жизнь!?! – не внял Олег, – А что на алтарь принести за победу!?! Жизнь без победы ничто для варяга, и ты это знаешь! Жизнью зовется и жизнь у раба!

– Жизнь в данном случае нужна для победы! Не сохранив своей жизни, не ты поведешь флот русов, а кто-то иной! И тогда не видать ни победы, ни выгодного мира!

– Кто-то другой!?! Игорь? Свенельд!?! А может болгары, так тем василевс уже платит откупные! Что-то туманно ты говоришь! Но ступай, и скажи чтобы конюх вывел во двор Локи! Буду прощаться с верным другом!

– Простись, не жалея! Избавляясь от Локи, сбежишь и от смерти. Убей и закопай, а лучше сожги. Так вернее! Чтобы Выросли в стойлах на смену ему жеребцы! – ведун причитал.

– Прочь, кровожадный ведун. Что за напасть! Конь тут причем несмышленный!?

Волхв удалился. Но не со двора. Уже из конюшни привели Локи, и конь грациозно бил копытом, размахивая своей завитой косою, в надежде ощутить хозяина, к которому привык, в уверенности, что тот вот-вот окажется в седле, и он понесет своего благодетеля до самого горизонта...

Вышла во двор и вся челядь. Дозорные с башни, не в силах приструнить любопытство, забыли о воинском долге и превратились в обычных зевак. Проснулся от ржания, суматохи и гула за окном и княжич. Он тоже вышел во двор, протирая сонные глаза, которые вдобавок слепили факела.

Гордость Олега, конь с мощной грудью, шеей ретивого ме-

рина, вихристым гребнем на морде и густой косой, словно клочок молодого и знатного варяга, ждал своей участи.

– Что случилось, княже! – спросил Игорь, пытаясь понять, что происходит.

– Локи придется убить! – ответил Олег, – так предписано богами, что и поведал рыжебородый презренный мерзавец, которому я верю, ведь он никогда не ошибался, будь он проклят! Он говорит, что моя смерть в коне. В Локи! Ха-ха!

Народ засмеялся, приняв слова Олега за юмор, но князю было не до шуток. Он прервал ответный смех и нарушил праздное любопытство челяди. Дозорных на башне и у ворот он поставил на место, заорав, что было мочи:

– Что уставились! Нечем заняться! Смотреть в оба! Враг не дремлет! Принесите мне меч!

Оруженосец поднес ножны, и князь выхватил свое оружие, чтобы собственноручно заколоть Локи.

– Не делай этого! – заплакал Игорь, единственный, кто остался на месте разворачивающейся драмы. – Отдай Локи мне, дядя, я умоляю. Я уведу его в лес и выпущу на волю. Пусть его растерзают хищные звери, лишь бы не ты!

Олег, занес меч, но не смог им ударить. Слова Игоря расстрогали его. Волхв высунулся из землянки и хотел было подбежать, чтобы укрепить дух регента, и тот завершил начатое, но встретив суровый взгляд повелителя, исчез в своей норе.

– Отведи его в лес и подальше. И возвращайся скорее. Если богами мне уготована смерть от коня, значит того не ми-

новать. Посмотрим, переживет ли Локи Олега. Ха-ха... Где этот рыжий крот, куда подевался!? Ну-ка ко мне ведуна. Развяжу ему язык, а то он приговорил коня, предрек мою смерть от него, но так и не сказал, что принесет мне осада Царьграда!!!

Глава 5. Покушение.

Дремучий лес – вотчина древлянского Лешего. Влюбленный в дочь правителя Мала отрок, воспитанный без ласки рано ушедшей матери-утопленницы, не стерпевшей постоянных измен отца, слыл лучшим охотником в этом лесу, умелым стрелком из лука и искусным метателем дротика-сулицы.

Он мог затаиться и ждать добычу целые сутки. Он знал секреты маскировки, и мог превратиться в мох, накрыться листвою кувшинок. Мог сделать из веток жилище и замереть в нем, как мертвый уж, как лупоглазая медянка перед броском на мышь, на крота или зайца. Мог облачиться в лохмотья и притвориться землей, не дыша. Мог так лежать дольше всех своих соплеменников. Мог натереться грибами и пахнуть, как сырость. Мог сидеть пнем, не моргая часами.

В этом лесу, у священного дуба, им был достигнут десятипудовый кабан, наполняющий чрево своим лакомством-желудями. Отрок, подобрался к нему словно бесшумная гадюка и метнул остроконечную сулицу*, пронзив шею зверя. До-

бытчик ходил на оленя, на медведя, выделывал шкурки куниц и преуспел в готовке мяса.

Наконечники славному охотнику ковал в кузнице отец, уважаемый в Коростене ремесленник и кузнец по имени Горыня. Отец желал сыну достойной судьбы. Он был осведомлен о страсти сына, боялся и одновременно ожидал благоприятной развязки известной людской молве симпатии...

***Сулица** – разновидность короткого дротика, использовавшегося у славян для боя и охоты. Длина древка 1,2-1,5 м.
(Прим. автора)

Да и как скрыть влюбленным взаимное влечение? Поощрительные взгляды и лучезарные улыбки, которые зачастую светили ярче солнца и озаряли их лица при виде друг друга.

Их заметили сперва у ручья, потом они ворковали у плакучей ивы, на купальскую ночь они крепко держались за руки, водя хороводы и прыгали через костры. Перегляды, пересуды, а попросту сплетни, домыслы людской молвы докатились до ушей знати, людей больших и суровых, сильнее отца и намного богаче.

Но в том не было позора, коль было чувство. Не зря ведь плетеный обруч подхватил его сын, никто не осмелился спорить. Характер отца! Своего не упустит, ну а коли любит – добьется. А если надо, то и убьет за любовь, не отступит.

Породниться с Малом мечтал любой дом. Домаслав, гор-

дость отца, и впрямь прославит родню сообразно имени своему, приведя в избу Малушу, первую красавицу и любимую дочь могучего древлянского князя, единственного, кто способен бросить вызов неумным в корысти пришельцам с севера.

Мал груб и безжалостен, но так подобает вождю, на нем лежит бремя признанной их племенем власти, на Мале ответственность сохранить славян от врагов и, главное, помочь народу выжить. Дань платилась исправно, но люди роптали. Аппетиты варяжских разбойников казались неумными. Старики заливались слезами. А молодые имели дерзновение говорить вслух то, о чем думала знать.

«Опять на охоту – подумал отец, услышавший шорох, – Ни свет ни заря. Откуда в нем воля не спать до утра... Вчера был угрюм, смотрел на венки, тот самый, только без алого знака Мала, ленточки, что была продета в берестяной ободок. Мал вытащил ее и забрал. Зачем?... Что это могло означать? Домаслав молчит, не ждет совета, хочет сам все устроить... Что с парнем творит неумная страсть? Что ждать от нее? На счастье ли, на беду ли Мала кровинушку Малушу принял сынок за свою судьбу. Пригож лицом и силен телом. Его демон кудрявый! Сколько девиц сохло по этим голубым бездонным глазам! Сколько красавиц плело венки, запуская их с мыслями о его крепких руках, сжимающих в неге. Просили русалок доставить посланье. Сколько готовы были предать тех, с кем уже сговорились обручиться, ради его красав-

ца? Соседка, дочь мастера выделки кожи, иссохла в конец, не верила своим глазам, отгоняла досужие слухи, о том, что сын его потерял уже сердце.. Бедный его первенец посягнул на лучшее. И он заслужил, его мальчик, так рано мать потерявший...»

Ни сказав отцу ни слова об условии Мала, Домаслав отправился в путь, снарядив себя как на бойню оружием. Да и к чему говорить о секретном. К тому же на отца он все еще держал обиду за мать, душа которой обитала в русалке, той, что доставила послание Малуши прямо к нему в руки.

Знала любимая мать, что не будет больше девиц у него, кроме возлюбленной, как бы не рвало на части искушение! Как бы не диктовали блудливые нравы древлян, он будет верен дочери Мала не только за ее красоту, но и в память об участии мамы...

Он шел день и ночь по берегу реки Уж. Прошел городища древлян и вышел к дремучему лесу, где стояли последние капища. Это было в трех днях пешего пути. Он немного устал, но неприхотливость охотника и одержимость целью, крепили дух.

Здесь, в устье древлянской реки, кормящей великий Днепр, однажды появились варяжские ладьи. Они гребли к его городищу, чтобы поменять раз и навсегда их устоявшийся мир, доселе нетронутый чужеземной силой. Мир, где древляне славились свирепой воинственностью и недюжинной силой. Теперь, когда явились варяги, в большинстве вы-

сокие и крепко сложенные, с набитыми магическими рисунками на руках, облаченные в дорогие доспехи и в шлемах с бармицами, это хваленое преимущество разбилось о реальность.

Уклад древлян разбился как глиняный сосуд гончара-подмастерья, тонкий и бесформенный. Существовал народ сильнее! И этому народу, жестокому племени завоевателей, было присуще какое-то необъяснимое суеверие. Оно пугало не своими ритуальными обрядами, в век огнепоклонников ничто не удивляло, а возможностью менять богов, словно человек выше бога, будто червь может обрести крылья.

Пришельцы, умелые воины, брали город за городом, не щадя никого. Домаслав видел своими глазами, как один из варягов, взяв за ноги мальчика лет тринадцати, что осмелился выйти навстречу с топором, раскрутил его и разбил ему голову ударом о частокол. Он видел, как оскверняла дружина погребальные курганы знатных бояр, выкапывая драгоценную утварь, украшения, обереги и амулеты, как уводила в рабство молодых женщин и здоровых мужчин, как расправлялась с непокорными и обложила тяжелой данью его народ. Мал поручил ему то, что хотел сделать каждый, но никто не решался.

Вот и дремучий лес, насыщенный зверьем и дичью, место славы охоты, известное и варягам. Ведь именно из-за них древляне перестали охотиться в этих местах. Лес и река не оставят голодным. Он был здесь не раз, не взирая на опас-

ность столкнуться с врагами... Он знал, что выживет здесь без труда.

Первым делом он вырыл землянку, не ведая сколько пробудет в лесу, ожидая рокового дня. Изготовил берестяные грузила, насовал в них червей, и наловил прихваченной отцовской сетью рыбы про запас. Ел ее сырой, не разжигая костра.

Немедля Домаслав устроил засаду на известной тропинке, ведущей к священному дубу. Он долго копал длинную траншею – ров для отхода, маскировал его ветками, затачивал колья и закапывал их острием вверх. Затем он тихо и скрупулезно прокалывал ветошь, в которую облачился – покрывал ее листьями. Закончив со своим одеянием, он выстроил дротики в ряд для бросков, проверил стрелы в колчане и упругость тетевы своего лука. Спустя еще один день он был готов.

Засев в своем окопе, он слился в лесом. И только слушал. Он слышал шорох крота, стук дятла и топот лосей, рычание медведя и щебетание птиц.

Нельзя было заснуть, и он отгонял истому, пытался бодрить себя воспоминаниями, но именно они каждую ночь клонили ко сну. Потому что в них было спокойствие, умиротворенность, счастье.

Там у ручья, где бобры соорудили плотину, он ласкал свою Малушу. Она не позволяла лишнего до благословения отца, но все равно поощряла своим звонким смехом. Этот

чудный девичий голос стоял в ушах. Они плескались в древлянской реке Уж, любуясь радугой, и брызги растворялись в солнечных лучах, окропляя их беззаботным ожиданием радости, свойственном только молодым. Не было тревоги, страха, боли. Только ее белоснежная улыбка, ее зеленые глаза, ее заразительный смех...

Казалось, грусть осталась в прошлом, улетучилась вместе с облаками. В присутствии Малушеньки он забывал о злобе, что держал на отца за гибель мамы, не помня и о том, что она сама – дочь свирепого Мала, не пощадившего даже жрецов Перуна.

–
А как звали твою мать? – однажды спросила.

– Радмила. Она гладила мои волосы, как я глажу твои, но еще нежнее.

–
Она утопилась? Прости.

–
Она превратилась в русалку!

Лишь на мгновение горькая правда отвлекала от задорных догонялок и беспричинного смеха.

Звонкий смех стоял в ушах, но убаюкивал пуще тишины. Домаслав ущипнул себя, чтобы не задремать. Раз, другой. Потом уколол запястье стрелой. Сон отступил.

Ждать пришлось почти несколько дней, каждый раз с рассвета до заката...

Наконец, он услышал конское ржание. Он знал, что это варяги. У них много лошадей. Они забирают лошадей у его народа и охотятся на них в его лесе...

Они ехали верхом, человек десять. Скакали не быстро. Скоро до Домаслава донеслись обрывки фраз. И вот его зоркий глаз разглядел то, что должен был увидеть. Алая лента в косе статного черного коня. Та самая, что вытащил князь Мал из берестяного обруча своей дочери. Значит, на этом коне восседает его цель, враг их народа, в смерти которого зиждется жизнь для него и Малуши!

На подворье, когда регент смилостивился, внял просьбе княжича и решил убить Локи не собственноручно, и не тотчас, был и Свенельд. Воевода вызвался помочь Игорю выполнить миссию и оставить «черную молнию» в лесу на съеденье волкам. Именно он тайно заплел алую ленту в конскую косу. Это был знак...

Конь волновался. Что-то почуял. Видимо смерть, что подстерегала животное, ни в чем не знавшее отказа в корме и лакомствах, всегда ухоженное и помытое. Княжич скакал впереди, остальные цепочкой за ним.

С дуба слетела сова. Локи, испугавшись пролетевшей птицы и ее предрассветного крика, вдруг истошно заржал и вскочил на дыбы, поднимая копыта. Дротик пронзил его грудь, что расстроило метателя. Его целью был наездник!

Всадник упал, придавленный Локи. Следом летевшая стрела вновь угодила в коня, прямо в глаз. Еще одна попала

в плечо Асмуда, приставленного к княжичу телохранителю, который спрыгнул с коня и накрыл собой Игоря.

Воины спешили, чтобы укрыться щитами. Источник угрозы все еще не был обнаружен. Дротик пробил щит Свенельда.

Воевода, устроивший все в сговоре с Малом, уже понимал, что цель не достигнута. Половина людей, что отправились сопроводить в лес княжича, были верны Олегу и Игорю. Ну что ж, пробитый щит тогда как нельзя кстати. Игорь не единственный, на чью жизнь покусились в лесу! Попытка убийцы сразить наследника династии укладывалась теперь в гнев непокорных древлян против варягов вообще.

– Вот он, бежит! – метателя, покидающего свою позицию, заметили. Он, израсходовав сулицы и выпустив все стрелы, виляя меж деревьев, углублялся в чащу. Двое устремились за беглецом, но провалились в ров, вырытый накануне Домаславом.

Свенельд увидел в яме пронзенных кольями ратников своей дружины. Все пошло не так!

– За ним! – скомандовал Свенельд, сам же вернулся к Игорю, чтоб подать ему руку, и заодно, незаметно выдернуть из конской косы алую ленточку.

Покушение не состоялось. Нужно было исходить из новой данности, а она диктовала теперь лишь одно для варяга – суровое наказание мятежников, и он, Свенельд, должен был быть в авангарде кровной мести, чтобы не вызвать ни-

каких подозрений со стороны прозорливого и подозрительного Олега, которого все время науськивает рыжебородый шарлатан.

Преследователи вернулись ни с чем. Убийца двух варягов и коня как сквозь землю провалился.

Глава 6. Возмездие.

Как только князя-регента оповестили о случившемся, он немедленно снарядил дружину и, прихватив с собой рыжего волхва, отправился в лес, бездонную обитель древлянской дерзости, зеленое укрытие недовольных.

Прибыла и знать из славян, в том числе древлянские старосты из трех городищ, те, что точили зуб на Мала после расправы с жрецами.

Окровавленный Локи, верный друг князя, отданный им на заклятие по навету волхва, того самого Деницы, что никогда не ошибался, с дротиком в горле и стрелой в глазу, бездвижно лежал у столетнего дуба. Вокруг него столпились воины.

—

Асмуд, ты ранен? – спросил регент у своего человека.

Телохранитель юного княжича сидел без кольчуги и латных рукавиц, в разодранной рубахе, на его рунических татуировках запеклась кровь.

Асмуд стонал. Стрелу уже извлекли, Свенельд прижи-

гал рану раскаленным железным прутом. Воевода подтвердил:

– Да, княже, Асмуд ранен. Локи встал на дыбы, почуяв неладное, и принял на себя первый удар. Затем Асмуд закрыл князя телом, я щитом. Мне повезло чуть больше.

Олег увидел пробитый дротиком щит воеводы. Найдя княжича целым и невредимым, он похлопал Игоря по плечу и склонился над своим конем. Здесь же лежали убитые ратники. Князь приказал отнести их на повозку волхва и не справлять по ним тризны до отмщения.

– Что, Деница, на сей раз боги надули в твои уши кривду? – обернулся он к волхву.

– Тут тайное знание, княже, – увернулся, как обычно, ведун, – Истолковать пророчество теперь можно иначе...

– Иначе!?! – в бешенстве князь взял ведуна за шиворот и отвел в сторону. – Как иначе?

– Так, княже... – дрожащим, но не лишенным смысла голосом произнес Деница, – Видение показало, что примешь ты смерть от своего коня. Смотри, что случилось. Внимай не глазам своим, не сердцу, а только разуму. Конь спас княжича. Пал вместо него. Что это значит? Одним богам известно...

Ведун бросил косой взгляд на выжившего благодаря коню княжича Игоря, намекая, что зловещее предзнаменование исполняется, что смерть коня и есть начало конца Олега. Конец этот близок и неминуем и придет от княжича Игоря...

Регент рывкнул словно зверь, но отпустил неутомимого в своих предсказаниях волхва. Глубокая печаль отпечаталась на его челе, но он не подал виду своим людям и велел подвести нового коня, не такого резвого как Локи, но лучшего после него. Он оседлал его одним прыжком. Конница и пешие воины выстроились для похода.

– Что делать с Локи? – перебил горькие мысли Олега воевода Свенельд. – Похоронить коня? Закопать или сжечь?

– Снимите с него шкуру и выделайте! – велел Олег, – Призови всех купцов, кто вернулись с Царьграда. Пусть расскажут все, что вывели, а художник с их слов пусть выдолбит на коже Локи карту города с крепостными стенами и рвами, что со стороны суши, и укреплениями ромеев со стороны Залива Золотой рог. А череп моего Локи приделай к носу-штевню флагманской ладьи, ее скоро спускают на воду. Локи пойдет на Царьград вместе со мной...

Спустя два дня у ворот Коростеня появилась огромная по меркам древлян дружина. Городские ворота были заперты. Меж зубцами деревянной крепости стояли древлянские лучники.

Мал взирал на чужеземную рать со смотровой башни. Он знал о причине визита не званых гостей, так как видел в седле и юного княжича. Тот жив, а значит покушение непутевого Домаслава, сына кузнеца Горыни, не удалось.

Разглядел он и своего вынужденного союзника. Теперь ему, воеводе Свенельду, более других была выгодна гибель

Мала, ведь вождь древлянской земли знал многие его тайны.

Мал оценил на глаз силы варягов и их славянских вассалов. Были среди них и древляне с других городищ, те что до сих пор запускали с курганов на радостях огненные колеса Перуна в знак смирения перед судьбой и в честь пришедшего киевского князя.

Коростень мог выстоять и неделю. Припасы позволяли, а осадных башен, катапульт и таранов варяги не захватили. Пришли хоть и немалым числом, тьмой, но налегке. Флот, что мог высадить воинов в самых уязвимых местах, варяги не снарядили, возможно боясь мелководья Ужа, ведь имелись же у них и мелкие челны. Но скорее выдвинулись спонтанно, времени то немного прошло, во гневе. Видно рассчитывали на быструю сдачу. В открытом бою они одолеют древлян моментально. Мал дал себе слово сделать все, чтобы избежать ристалища за воротами, чего бы ему это не стоило. Единственной целью сейчас было спасти свой народ, откупиться любыми подношениями и дарами. Главное – не пустить в город разгневанных варягов.

– С чем пришел, добрый князь, владыка земель наших!?! – громко встретил регента и княжича правитель Коростеня. В словах его не было пренебрежения, но не нашлось и страха.

– А ты так встречаешь своего сюзерена? Не отворяя ворот? – ответил за Олега воевода Свенельд, лютый враг и коварный перебежчик, чья измена могла сослужить свою службу.

– Не ты ли это, Свенельд, тот, что получил сполна дань и сверх дани, и теперь пришел, чтобы взять еще?! Обнищал мой народ, взять боле нечего? Отдали и шкуры, и серебро, и воск, и мед, и железо кованое! – слова свои Мал обратил к Олегу. Пусть знает, что делегированный им для сбора дани воевода лукавит в отчетах. Кто знает, воровство часто бывает причиной непримиримой распри. Терять было нечего.

– Язык твой я сперва вырву за навет, а потом намотаю на вот этот дротик, который испортил мой щит! – прорычал воевода.

Олег взглянул на него с неодобрением, и Свенельд понял, что ему лучше помолчать.

– Выйди к нам, потолкуем, решим, как поступить с твоим городом вместе с тобой. Не выйдешь – пеняй на себя и свое малодушие! – отрезал Олег.

Мал не мог не прислушаться к словам князя, на стороне которого была сила, в десятки, а то и в сотни раз превосходящая и по организации, и по выучке его ополчение.

Недолго думая, Мал, попрощавшись с женой и Малушей, приказал поднять бревенчатые ворота, кованые шипами и выехал верхом навстречу неизвестности. Он взял с собой только сына Добрыню, воина славного и неукротимого. Остановить его он бы не смог...

Увидев это, князь Олег проникся уважением к этому славянскому вождю и выдвинулся навстречу. Сопровождение было малым. С ним тронулись на переговоры воевода Све-

нельд, юный Игорь, два ратника и древлянский перебежчик из лояльных бояр по имени Житомир, который утверждал, что знает зачинщиков мятежа и вызвался их опознать.

Злоумышленников нетрудно было вычислить по клейму на наконечниках дротиков. Такие ковал в Коростене только кузнец Горыня, отец Домаслава, которому людская молва прочила в невесты саму Малушу – любимицу правителя древлян. Сулицы и стрелы были главными уликами вины Коростеня. Мал бы не отвертелся, а Житомир при поддержке даже небольшого горниzona варягов установил бы после низложения Мала свою власть над всеми городищами по обоим берегах Ужа.

В повозке на сене с трупами варягов следовал так же ведун Деница. Она плелась медленно, ведун не спешил дергать за удила. Поэтому едва подоспела к началу разговора.

Переговорщики остановились друг напротив друга. Начал Олег. Он спешил, чтобы подойти к повозке и сбросить ветошь с трупов своих собратьев.

– Смотри сюда! – гаркнул князь на Мала, – И найди себе оправдание! Чтобы я не отдал тебя своей дружине на растерзание и не разорил этот город, не сжег его дотла, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков!

– Князь, вины древлян в этом нет, – глядя на убитых варягов свысока, не слезая с коня, без сожаления и сохраняя спокойствие отвечивал Мал, – Ежели кто и замыслил убийство, то одиночка, разбойник, не подвластный закону

ни князя, ни Перуна, ни Волоса... Может и зря ты подумал на нас, но гнев твой суров, и я паду ниц без головы, но не отдам тебе город на поругание безвинно...

– Безвинно? Вон твой сородич из соседнего городища уверен, что ковали оружие именно здесь! – указал князь на знатного древлянина.

– Кто? Тот? – прожег взглядом боярина Мал, – И ты ему веришь? Что ты наплел великому князю, Житомир? – уже обращаясь к боярину, спрашивал Мал, – Что ты знаешь, чего я не ведаю?

– То и знаю, Никитка Мал, что Горыня, кузнец твой, ковал наконечники для сулиц и стрел, что вонзились в дружинников князя! На них его клеймо! Горыня, отец Домаслава, того зверолова, что сватается тебе в родню! – выпалил предатель народа, унизив авторитет Мала пренебрежительным панибратством, словно общался с равным или претендовал на древлянское верховенство сам, – Горыня не просто ковал, а верно по твоему научению. Не ты ли подговорил его сына на злодеяние? Не ты ли зуб точишь на варягов, призванных славянами на правление землями нашими, доселе разрозненными, в распрях и в заметнях погрязшими?! Все знают, что ты подбиваешь древлян на смуту, что ты изменник государства нового и великого. Гордыню свою не смирил, не желаешь признать законную власть! Не ты ли жрецов изничтожил за неподчинение воле твоей!?

– Я варягов не звал, мне они не к чему были, это сущая

правда! Но и убийства не замышлял, давно смирившись с властью твоей, княже, и княжича! Дань исправно плачу, Свенельд знает! – не признался Мал, – А если кузнец виноват, то я его сам зарублю при народе, и сына его, коль виновен, я с радостью обезглавлю и в назиданье выставлю на кол. Он мне не кровный, к тому же не верь наговорам и сплетням, мало ли кто возмечтал о Малуше моей! Она достойна княжича, не меньше!

Неуемная гордость Мала вышла наружу, и затмила первое впечатление. Князь Олег еле сдерживал ярость. Это стало заметно всем.

Князь выходил из себя от того, что его и дружину не пропускали в город, и что эти звероловы настолько обезумели, что готовы оказывать сопротивление.

Локальная война не входила в его планы. Это был самый большой город в этих землях, с двадцатью тысячами населения. К тому же в соседних городищах, в окрестностях, в лесах, на болотах затаилось значительное количество сочувствующих противникам киевской власти и не повинующихся варягам. Этим лесным людишкам не хватало лишь предводителя.

Восстание можно было подавить в зародыше, сломив дух прямо здесь, в логове бунта, пока древляне не собрались с силами и не начали лесную войну с вылазками, захватами обозов, нападениями на мелкие отряды и посольства, на сборщиков дани и на неукрепленные остроги, присягнувшие

на верность.

Князь ощетинился словно хищник, запрыгнул на коня и развернувшись к своим ратникам, крикнул:

– Древляне готовы выдать зачинщиков! Они сами на наших глазах казнят этих смердов, а мы посадим их головы на колья коростеньской изгороди!

Дружина одобрительно ответила стуком мечей о щиты.

– Возвращайся, Мал! – бросил князь древлянскому вождю. – Иди и приведи сюда виновных. И еще принеси гривну с каждой сохи, раз ты хвалишься серебром, которого я не видел! И еще! Тридцать крепких юношей для моей рати, годных для обучения ратному делу, без увечий и благоумных, для похода на Царьград, как сделали уже все городища, кроме древлянских. Кто не сгодится из них для воинской доли, станет рабом! Так что не вздумай откупиться калеками и слабоумными. Вот мое слово! Тогда город свой спасешь! И жизни жителей его сохранишь. Времени у тебя до заката ярила. А мы разбиваем шатры. Перун и скотий бог Волос пусть будут свидетелями договора. Другого с тобой не будет!

Мал поскакал восвояси. За ним и Добрыня. Они въехали в город одни. Стража спустила канаты, ворота перед ними со скрипом упали, и массивный дубовый засов наглухо их закрыл. Для надежности стража поставила подпорки.

Горыню, отца Домаслава, скрутили в кузнице. Он держался за наковальню, упирался ногами, не понимая, в чем его

обвиняют. Сам Мал, их правитель, пришел за ним с вооруженными до зубов соплеменниками. Он угрюмо стоял в сторонке и ждал, пока Горыню свяжут.

– Где твой сын, Горыня, где Домаслав? – спросил он у кузнеца, дрожащего на коленях.

– Что он натворил, негодный!? Что он сделал? Чем прогневал тебя, Мал? Неужто мой сын навлек эту напасть на Коростень? – все еще не понимая, в чем дело, вопил Горыня. В надежде задобрить вождя, он молил о пощаде, о том, что их дети влюблены, а так же о том, что он выпорет сына, как только тот вернется из леса...

Город волновался. Вооружался, чем мог, вскрывая и выкапывая схроны с мечами, топорами, рогатинами. Но Мал задумал нечто иное, что могло отвести нашествие. Глашатаи созывали людей.

Народ внимал словам Добрыни, сына Мала. Тот вытащил на площадь родовой сундук, на треть заполненный сокровищами самого Никиты Мала:

– Несите все, что есть. Сдайте излишки. Несите посуду из серебра, украшения жен, амулеты из камней драгоценных, несите монеты любой чеканки, что отняли во время лихих благостных времен у наших робких соседей. Нет ныне в них проку! Не зря мы стращали и грабили всех, они оказались тщедушны, предатели все, как один. И трусливые крысы. Они не такие, как мы. Только мы готовы умереть за волю! Но час не настал! Когда будем готовы лучше, тогда и вы-

ступим. Сегодня откупимся от варяжских кровопийц! Откупимся! И останемся жить! И будем готовиться к войне! Нам нужно время! Несите! Несите!

Сундук заполнялся. Люди сносили припрятанное на черный день. Он наступил. Для всех один. И они объединились в едином порыве, а мотивом послужила необходимость выживания.

– Куда ты тащишь его, отец!? – бежала вслед за конвоем заплаканная Малуша, – Куда ты тянешь отца Домаслава!?

Мал безмолвствовал, он не знал, что ответить любимой дочери, ведь Горыня был обречен пасть невинной жертвой во благо всего народа. Да и ничего нельзя было изменить. Силы неравны.

Его племя может сражаться с варягами только под покровом ночи, внезапными вылазками и отступлениями, подрывая их укусами исподтишка, сокрушая их мощь стремительными набегами. Ну, а сейчас поздно что-либо менять...

Горыню придется бросить на съедение волкам и их приспешникам, которых Мал ненавидел пуще пришельцев. Славяне, призвавшие на трон чужеземца, были ему отвратительны вдвойне. Они, словно стадо неразумного скота, шли к отравленному водопою, видя, что по всему берегу уже разбросало падаль. Слепцы все шли, и шли на заклятие, и воспевали, мыча в унисон, своих убийц. А те сменили богов и заставили жрецов бить в бубны в такт, чтобы не нарушать ритма безмозглых баранов.

—

Дядя Горыня, за что вас схватили, куда ведут, где Домаслав? — бежала Малуша, спотыкалась и поднималась вновь, чтобы снова не получить ответа.

Вечерело. Сумрак надвигался со стороны леса. Небо красилось оранжево-красной палитрой, предвещая закат, казалось оно залилось кровью в зловещем предзнаменовании.

Древляне отодвинули засовы. Ворота поднялись, и на телеге вывезли сундук, набитый доверху серебром. Мал в сопровождении сына Добрыни и своих телохранителей из знати вывел связанного пленника — толстяка с приплюснутым носом и огромными ладонями, в грязной рубахе и босого. Того самого кузнеца, кто ковал наконечники для сулиц, поразивших коня князя Олега и ратников Свенельда. Того самого, чей сын подозревался в нападении на княжича. За связанным бежала красивая длинноволосая девушка в дорогом, вышитом красным орнаментом платье.

— Это он, Гарыня, — подтвердил боярин Житомир, единственный, кто знал кузнеца в лицо. — Его сына Домаслава нет...

— А это дочь Мала? — у князя вызвала интерес бегущая за мятежником девушка.

– Да... – кивнул боярин, – Это она, Малуша...

– И вправду хороша! Пожалуй, сгодится для наложницы, коль не будет иных талантов...

Возле частокола выстроились тридцать юношей. Со стен городища их оплакивали их матери и сестры.

– Здесь все! – сундук поднесли к ногам князя и открыли.

Олег с удовольствием оглядел собранные сокровища.

– Не дурно, – оценил князь с лукавой улыбкой, – перебирая чаши и монеты.

– Я привел изменника, кузнеца, что снабжал умышлявших против тебя злое, – Мал показал на Горыню.

– А главного злодея почему не выдашь, его сына, именно он покушался на жизнь княжича, забрав жизнь княжьего коня и варягов. – спросил Олег.

– Его нет в городе. Мы обыскали все закутки. – отвел глаза Мал.

Князь смерил Мала презрительным взглядом, заметив, как воевода Свенельд медленно достает меч из ножен.

– Неужто у тебя больше причин убить его, чем у меня? – обескуражил Олег свои вопросом воеводу, и тот надавил на рукоять, спрятав клинок.

После слов, обращенных воеводе, регент повернулся к Игорю и шепнул ему на ухо:

– Пусть древлянский боярин Житомир покажет нам свою лояльность, смерть возмутителя будет на нем, он вызовет ненависть своих сородичей, а по сему будет верен нам до

конца...

Игорь сглотнул слюну и моргнул глазами, изображая полное понимание замысла дяди.

– Иди, Житомир, убей злодея и посади на кол его буйную голову! – приказал князь.

Боярин выдвинулся вперед на своей гнедой кобыле, выглядевшей так уныло и неграциозно в сравнении с вороним конем князя, убитым Локи.

Оттолкнув дочь Мала так, что она упала на колени и горько зарыдала, боярин отобрал бечевку у конвоя, привязал ее к своему седлу и поволок кузнеца сперва медленно, затем переходя на рысь. Связанный пленник упал. Житомир разогнал лошадь до галопа и направил поводьями в сторону леса, что виднелся саженях в семиста от городища, в стороне, противоположной реке.

Тело Горыни болталось словно бездыханное, изрядно побившись о камни. Житомир намеревался развлечь князя и свиту своим показательным представлением, заодно прочувив и надменного Мала, не воспринимавшего его за равного. И, конечно, он полагал, что чрезмерная жестокость вызовет в сородичах благоговение и страх, что позволит в будущем править ими вместо подорвавшего доверие варягов Мала. Когда он отрубит покалеченному Горыне голову и натянет его череп на кол, древляне увидят его решимость, а князь оценит преданность.

Однако, подобострастие древлянского боярина, возо-

мнившего себя преемником Мала, не помогло Житомиру избежать внезапного и точного попадания стрелы.

Это произошло у самой кромки леса. Кто-то в лохмотьях налетел словно тень, выбил из седла пронзенного стрелой седака, забросил полумертвое тело на кобылу, сам прыгнул в седло и устремился в глубь полесья, где тропинки меж болот и непроходимых зарослей знали только старожилы-ловкие звероловы.

– Это еще кто? – вытаращил глаза князь, чтобы лучше разглядеть человека в лохмотьях, издалека напоминающего лешего, но солнце уже заходило, и человек этот исчез так же стремительно, как и появился.

Древлянские юноши попятились назад, предчувствуя, что негодование князя выльется наружу и коснется именно их. Свенельд, потирая руки, отдавал команды. Дружинники объезжали древлян с обоих флангов и в считанные мгновения окружили.

Пешие воины князя обступили Мала, его телохранителей, его сына Добрыню и дочь Малушу, кругом и воткнули щиты острыми оконечностями в землю, опустившись на одно колено и выставив копьа.

Мал мысленно попрощался с жизнью и с обреченностью взглянул на сына и дочь. Вероломные варяги обманули. Они не выполняют условия договора! Единственно, что в такой момент, в преддверии смерти могло хоть как-то утешить, так это участь боярина Житомира, павшего от руки ловкого До-

маслава.

– Закрывать ворота! – что было мочи заорал Мал, стража на стенах задвигалась в замешательстве, не зная что делать: спешить на выручку правителю, что грозило неминуемой гибелью, или выполнить приказ вождя. – Не мешкая! – повторил Мал, и только после этого ворота опустились и раздался звук задвигающегося засова.

– Рубите головы! Сажайте на колья! Всех убить, всех, кроме Мала и его чад! – приказал Олег, и варяги приступили к казням.

Безоружных древлян обезглавили. Часть голов перебрали за городскую ограду. Часть надели на вкопанные колья для устрашения. Не меньше других орудовал мечом и княжич, стараясь не отставать в свирепости от своих соплеменников. Некоторых постигла более изощренная казнь: юношей привязывали к двум коням, дергали за поводья и разьежались, разрывая молодцов на глазах у матерей.

Со стен в ответ посыпались стрелы, но щиты спасли варягов и они отошли на безопасное расстояние. Кратковременный бой в кругу завершился для варягов без потерь. Знатных телохранителей Мала перебили, оставив в живых самого вождя и его отпрысков.

– Что делать с этими? – ждал решения князя-регента воевода Свенельд.

– Мала отпустить. Детей взять в заложники. Они будут залогом мира и выполнения древлянами всех условий. Голо-

ва злодея из них главное! Не выполняют – станут рабами! – отрезал Олег и продолжил отдавать распоряжения, не глядя на поверженных древлян и разворачивая коня для отхода, – А пока удвоить дань с Коростеня в Полюдь. Раз они столько собрали за столь короткое время, значит, их закрома бездонны.

– Возьми мою жизнь, оставь детей! – рыдал Мал, ползая в крови и в грязи, вымаливая пощады для своего первенца и своей любимицы.

Его народ, глядя на позорное зрелище со стен, презирал беспомощность Мала, проникшись к нему ненавистью за недалёковидность и за смерть своих павших сыновей. Вымазанное землей существо, борода которого покрылась слюзью и слезами, не вызывало больше не трепета, ни уважения. Он не смог уберечь своих родных детей, как же он защитит их народ! Он вверг их в пучину войны с превосходящим по силе врагом. И увеличил своим непокорством бремя дани...

Мал лежал на земле, раздавленный позором и горем. К нему подъехал княжич и крикнул, чтоб слышали все:

–

Да! Зачинщик! Тот, что убил княжьего коня и наших ратников! Он должен быть доставлен в Киев! Я казнь его на площади собственноручно! Иначе я сам буду собирать дань с Коростеня!

Свенельду не понравились эти слова, да и Олег поморщился от проснувшегося красноречия воспитанника, чуть

запоздалого и не совсем уместного в уже свершившемся возмездии. Но никто не стал перечить разгоряченному княжичу. Похоже, запах крови действовал на него словно хмель, застилая разум. Он не повторил уже озвученное князем, а поправил слова регента, потребовав не головы злоумышленника, а его поимки для справедливого суда в столице. При этом княжич кичливо упомянул себя напоследок, пренебрегая всякой субординацией. Молодой волк впервые показал клыки.

После ухода варягов никто из Коростеня не подошел к Малу. Не поднял его. Все сочувствовали его горю, но у всех было свое несчастье, от которого не уберег слабый и безумный вождь.

Когда ночь опустилась над лесом, и белый филин прокричал свой клич перед охотой, Мал самостоятельно встал и поволочился к воротам. Они открылись, и он направился к своему опустевшему дому...

По прибытие в Киев князь-регент собрал варяжскую знать в тронном зале и сообщил свою волю Свенельду и Игорю:

– Вы оба едете с хазарскими послами в их столицу Итиль. Возьмите с собой минимум людей, езжайте под видом купцов, хазарская знать и раввины не знают вас в лицо. Выведайте, насколько укреплена хазарская столица, насколько годны фарватеры двух рек, меж которыми она стоит. Из-

мерьте глубину бечевкой с локтевыми узлами и грузилом. И пусть нырятьщики подтвердят глубину на мелководье. Не ударьте лицом в грязь, будьте осмотрительны и бдительны, не ввязывайтесь в драки и состязания. Ведите себя тихо и незаметно и возвращайтесь с точными знаниями. Время разбойнических набегов и грабежей для нас закончилось, мы строим империю, подобную Византии и каганату. Император воспринимает нас, как варваров, готовых драться на его стороне с агарянами за монеты с василевсами и крестами. Каган думает так же, мечтая превратить нас в наемников за монеты с минорой и тамгу с двузубцем-свою охранную печать. Они не считают нас равной силой, и это их погубит. Кто знает, может быть придется напасть не на слабых врагов Хазарии, что прячутся за стеной, а на самих хазар. Уверен, без их интриг и монет не обходится ни одно выступление вятичей против нас.

Перечить князю было бесполезно. Раз он сказал собираться в путь, так тому и быть...

Свенельд не сомневался, что его отправляют не в разведку, а в ссылку подальше от глаз, князь затаил обиду после слов Мала и не доверяет ему, как прежде.

Что же касается юного княжича, то столь ненадежное предприятие, уготованное для него, отличалось как земля и небо, от прежнего отношения к Игорю, когда княжич ограждался от любой опасности.

Что было тому виной: предсказание волхва Деницы,

смерть вороного коня или то, что Игорь окропил свои руки кровью в землях древлян и потому уже не был в глазах Олега невинным аки безропотный агнец, не знал никто. Не смог бы объяснить свое решение, и мотивы, его навеявшие, и сам Олег. Он сказал то, что сказал...

Глава 7. Итиль.

Радониты, евреи-купцы, держали всю торговлю в трех крупнейших городах – Самкерце, Семендере и Итиле – крепостях и зимовниках великого кагана, превратив их в громадные рынки великого шелкового пути.

Этого они добились своей изворотливостью и твердой рукой царя, который вовсе не обижался, что весь мир с подачи его высшего совета – Синедриона величал именно его сакральным титулом каган Хазарии, могучий покровитель язычников, христиан, мусульман и иудеев, божественный Аарон.

Ему не хотелось быть просто беком, заместителем кагана, ведь василевс-император Византии именовал себя августейшим! Чем хуже он, Аарон!? К тому же каган был стар и немощен, являясь лишь номинальной фигурой в запутанной иерархии Хазарии, где уживались под сенью наделенного мистической силой венценосца люди разных наречий и вероисповеданий. Да, Аарон не запретил величать себя каганом. Напротив, он поощрял такое к себе обращение, объ-

единив в самом себе духовную и светскую власти огромной страны, простирающейся от моря до моря, от кавказских гор до печенежских степей, владевшей Причерноморьем и делившей власть с Византией в райской Тавриде, обложившей данью славян и волжских болгар.

Но, правдивости ради, правил здесь не каган, а чистоган и ростовщичество. Каганат после бегства от хазарских набегов самых воинственных из болгар старался не ввязываться в большие войны. Спокойствие могли нарушить лишь отколовшиеся от халифа сарацинов эмиры Ширвана и Дербента, подстрекаемые правителями Хорасана. И русы. Эти северные пираты.

При поддержке искусных наездников всадников-мусульман, считавшихся дикой и неудержимой гвардией Аарона, торговцы-евреи регулировали потоки купцов и товаров, исправно собирали десятину со всех караванов и ладей, меняли пермскую пушнину, воск, мед и рыбу радомичей и уличей на серебро, наполняли византийские амфоры нефтью для изготовления «греческого огня», секрет которого знали в Царьграде, перекупали варяжских рабов для отправки халифу в Багдад, меняли шелк и бумагу из Китая на золото германцев, и обогащали тем самым Хазарских беков.

Аарон настолько сблизился с радонитами, что и шагу не делал без совета иудейских раввинов. Именно они окрестили его великим каганом, хоть он и не принадлежал династии. А он в знак благодарности за верность и лесть сделал их управ-

ляющими своего домена. И ничуть не жалел об этом. Торговля приносила баснословные прибыли. Каган чеканил в Итиле и Семендере-старой столице монету из золота и серебра со своим профилем, двор утопал в роскоши, уступая в несметных богатствах, быть может, лишь Византии.

Но беда нагрянула, как водится, внезапно. Это был страшный опустошительный набег на прибрежные городища и айлы. Быстрый и беспощадный.

Русы высадились с пятнадцати кораблей в старой столице, разграбили все. Убили христианских священников и вынесли утварь с церковей и синагог, сбросили с мечети муэдзинов и угнали в рабство десятки женщин.

Аарон подозревал в предательстве аланов, не понимая как варяжские пираты могли оказаться в его море. Но аланы поклялись, что верны союзническому долгу. А значит, русы либо прошли глубокой ночью по реке Итиль мимо беспечных хазарских дозоров, либо каким-то чудом достигли Каспия через пролив у Самкерца у самого Понтийского моря. Но ведь их ладьи имеют весла, но не крылья! Как им удалось догрести до вод Хазарского моря? Никто не знал ответа.

Они ушли под парусами так же внезапно, как пришли, оставив за собой пожар камышовых крыш землянок бедняков и трупы монастырских монахов.

Мудрецы, делегированные послами, вернулись из Киева живыми, князь язычников отпустил их с миром, преподнеся варяжскую сталь в знак уважения кагану.

Они прибыли с дарами и новостями к крепости кагана на двух ладьях с варяжскими купцами, которые были слишком любопытны и крепко сбиты, а посему в них сразу заподозрили шпионов. Могущественный князь Олег отрядил их, чтоб получив ответ кагана Аарона, они немедленно прибыли обратно и доложили о результатах.

Когда ладья проходила мимо сторожевых башен, варяги тайком что-то меряли, что-то чертили, видно, чтоб дать ответ своему князю, сильна ли столица Хазарии, и может ли дружина при поддержке славянского ополчения сбросить черные флаги с иудейскими минорами-семисвечниками с этих башен, водрузив на них красный стяг с соколом Рюрика...

Когда посольство высадилось, они были молчаливы, эти купцы, но задавали много вопросов на рынках. Каган приказал следить за русами и докладывать обо всех их действиях.

Новости от вернувшейся делегации доверенных раввинов были неутешительны. Киевский князь наметил поход через земли Хазарии к враждебным кагану эмирам, предлагая в знак признательности поделиться добычей.

Здесь раввины уловили хитрость. И тревога мудрецов передалась кагану. Оказавшись в благодатных землях, где процветала торговля, где цвели виноградники и жили в неге беспечные люди, русы могли покуситься и на их свободу.

Способно ли войско русов сокрушить Итиль? – каган ждал прямого ответа от своих послов. Его раздражали последние территориальные потери на севере и притязания князя русов на влияние в степях, которые его предки считали своей вотчиной.

–

Они сильнее день ото дня, великий каган, – молвили радониты. – И у них есть флот! Корабли довольно мелкие, но уже не выдолбленные однодревки, вмещают по сорок воинов каждый. На мелководье неуязвимые. Они легко могут спуститься с земель взятых ими под крыло северян вниз к Итилю и осадить крепость. До Самкерца же им семь дней мимо днепровских порогов по морю. Правда, там им преграждает путь печенеги и флот Византии, но на продажных кочевников, и тем более на императора нет надежды! Наши коммерческие, а значит и военные интересы не совпадают. Хоть у нас с Византией и нет открытого конфликта... Пока нет!

Аарону было понятно, что аппетиты русов разрастаются, и что при воинственном князе Олеге они совсем обнаглели. Видно почувствовали свою силу. Или слабость Хазарии...

Великой Хазарии, потеснившей угров и печенегов, растоптавшей волжских болгар, держащей в страхе сарацинов халифа, да настолько, что те отгородились от каганата неприступной стеной, входящей на триста аршинов прямо в море и загораживающей тем самым не только узкий перешеек между горой и морем, но и гавань Дербентской крепости му-

сультман.

– Неужто мы допустим, чтобы те, кто просто должен был снабжать Итиль мехами и рыбой, ведь их хваленые ладьи всего лишь большие лодки, могли диктовать нам, как поступать с нашими рабами? – разгневался не на шутку Аарон.

– Ну, рабов-то мы не потеряем. Чем отсылать армии на север, легче заполнить невольничьи рынки дешевыми рабами от русов, дав варяжским купцам льготу. Этим ты, Аарон, на время ослабишь их бдительность. Притворившись другом, ты охладишь их пыл, а затем подкупишь. Они охотно пойдут в наемники и к тебе, и в Византию... – нашелся ответ одного из членов Синедриона по имени Иосиф.

Этого книжника, молодого еще летами и свежего в мыслях, Аарон любил как сына, хоть, зачастую и посылал в самое пекло. Он и называл его возлюбленным своим чадом, преподнеся однажды царский перстень с печатью в знак особого расположения. Перед посольством в Киев Иосиф благоразумно оставил знак особого расположения кагана дома, но теперь перстень вновь сиял на его пальце. Этот знак послужит потом большим подспорьем в получении истинной власти в государстве...

– Неужто мы сможем использовать русов в борьбе с нашими врагами- сарацинами халифа и их союзниками у подножия кавказских гор? И для этого нам придется пропустить их через наши земли, чтобы они обогнув по морю Дербентскую стену вышли к крепостям вражеских ханов. А что если

они вместо исламских эмиров обратят свое оружие против нас? – почесал бороду Каган.

– Не бойся, великий каган, у них не будет постоя, они отправятся на ладьях минуя столицу, прямо в ад. Они с пренебрежением относятся к исламскому воинству, не ведая мастерства наездников халифа и резвость их жеребцов. Нам это выгодно. Недооценка противника сыграет с русами злую шутку. Они или проиграют и сгинут от палашей и стрел мусульман! Или же одержат Пиррову победу. Пропусти их рать и согласишься на их условия, прими половину добытых трофеев. Но разреши выйти на причалы у ворот гавани только безоружным русичам для пополнения провианта. А потом дождись их возвращения и реши, что с ними делать. Отомсти за надменность к твоим послам в срок, но не раньше! – убедительно увещевал Иосиф, видя, что Аарону нравятся доводы любимца.

– Да будет так! – изрек Аарон и отправился в термы, где ждали его новые наложницы, присланные в знак примирения правителем Хорасана, который всегда юлил и использовал лишний повод, чтобы откреститься от своих излишне воинственных вассалов на Кавказе.

Времена изменились. Каганат теперь находился в окружении сильных врагов, а не разрозненных кочевников. Этих врагов объединяла единая вера или воинственность. Русы грянули из ниоткуда. И вот они уже здесь. Эти северные бес-

тии с холодных скал и извилистых фьордов. Им не терпится получить плодородные земли и выходы к теплым морям. Не зря каган отдал приказ о строительстве новой крепости на Севере. Каменной, каких не было пока у русов.

Византийские зодчие, возводившие мосты, термы и акведуки, построившие амфитеатр и ипподром в самом Царьграде, прибыли от императора, чтобы помочь кагану оградиться от нового нашествия. Они знали толк в каменной кладке.

Страх потерять земли вынудил кагана к баснословным тратам. Цитадель на холме, где каган решил разместить свой гарнизон из трехсот воинов, чтобы сохранить свои границы от нашествия воинственных русов, возводилась за золото, завоеванное многолетними набегами. Эта предусмотрительная, хоть и дорогая затея не была излишней. Возведение форпоста на левом берегу Дона являлось суровой необходимостью, иначе Аарон мог потерять все...

Ирония судьбы – мусульмане на юге таким же образом пытались остеречься от него...

Тогда был хрупкий мир Хазарии с Византией. Но во времена, когда все воевали со всеми, он мог закончиться еще до того, как последний кирпич в Белом городе-Саркеле завершил бы византийскую кладку сторожевой башни.

Глава 8. Юная рабыня.

Место в Синедрione обеспечивало книжнику Иосифу не

только почет, но и торговые ряды в домене кагана, но самое главное, именно ему был поручен сбор налогов с рыбаков Каспия, богатого осетром и стерлядью. Именно Иосиф встречал обозы с пушниной с пермских и вятских земель, беря тайную мзду с купцов соболями, куницами и горностаем.

Книжник разбогател настолько, что имел дома из дубовых срубов в каждом городище Хазарии, многочисленную челядь, сотни рабов. И рабынь.

Он поставлял красавиц в гаремы кагана и бека, а некоторых дарил Багдадскому халифу. Лучших же, предварительно даруя вольную с печатью кагана, он отправлял самому императору в Константинополь для смотров невест. Девушек-славянок, болгарок, красавиц из мери и муромских земель, скопилось так много, что Иосиф соблазнился на грех и открыл в Итиле бордель.

Прямо на пристани, в ста саженях от золотых ворот в гавань, где на фронте мастера-чеканщики выбили семисвечник, уместилась двухэтажная таверна. Все купцы и знатные воины знали этот увеселительный дом, где мед и кумыс лились рекой, и где можно было выбрать себе славянку с комнатой на ночлег в придачу.

Беспечная жизнь и признание каганом заслуг Иосифа в дипломатии, вскружили голову тридцатилетнему толкователю Торы. В какой-то момент он решил, что его связи, возникшие в результате успешной в последние годы рабо-

торговли с Багдадским халифом, формирующим из славян свою гвардию, сделали из него неуязвимого политика и дают ему право на рискованные интриги. И тогда он отважился кое-что скрыть от самого Аарона, который прилюдно называл его сыном и наделил наивысшими после беков и наместников-тудунов полномочиями в Хазарии, даровав Иосифу управление в своем домене и царскую печать – подобие той, что обладал Иосиф из Торы при добром фараоне.

А скрыл Иосиф вот что: в его руках оказалась совсем еще юная, но вовсе не кроткая, с уже заостренными коготками, юная прелестница. Внешность ее лишь формировалась, очертания выдавали в ней стать, но все же пока она не была столь приметна, чтобы свести с ума бывалого мужчину или искусленного ловеласа. Пожалуй, она бы не вызвала даже коммерческого интереса у такого гения работорговли, каким считался Иосиф, если б не одно обстоятельство...

Иосиф выяснил, что эта глазастая девочка с розовыми щеками стоила целых государств и за нее можно было выручить при правильном использовании несметные сокровища. И об этом во всей Хазарии пока знал только Иосиф.

На этой юной болгарке, отбившейся с единственным слугой от главного обоза и захваченной в плен кочевниками, при удобном случае и дипломатических ухищрениях можно было сколотить не просто огромное состояние, а занять еще более достойное положение в этом нестабильном мире...

Книжник считал невероятной удачей, что она оказалась

в его руках, и верил, что благодаря обладанию этой пленницы совсем скоро в его руках будут судьбы целых государств. Ведь она являлась болгарской царевной, племянницей болгарского хана Бориса, назвавшего себя царем, который настолько теснил Византию, что сам император предпочитал от него откупаться данью.

Как только ему привели царевну и ее соглядатая-наставника, Иосиф велел оставить в келье только учителя девочки. Двери закрылись.

– Что, кроме твоего слова и охранительной грамоты от хана болгар, есть у тебя, смерд, чтобы спасти жизнь этой крохи и свое никчемное существование? – начал допрос Иосиф.

– Я клянусь богами, что она из рода болгарского царя и за нее заплатят любой выкуп. Ее родословная берет свое начало от Аспаруха, того, что откочевал за Дунай и чьи потомки теперь христиане. – дрожал связанный наставник.

– Из рода этого изменника, не принявшего власть кагана на Итиле!? Выходит вассалы кагана, оставшиеся под его величавой тенью, до сих пор ищут союза с наследниками изгнанной орды?

– Это не связано с военными союзами. Царь Булгарии за Дунаем ведет войну с Византией. Ему нужна заложница княжеской крови для перемирия с греками, и он нашел выход. Он отправит в Константинополь эту девочку, которую скорее всего убьют... – заплакал наставник, – Я веду ее на заклание, в Плиску*. Там она уже объявлена царевной. Но ждут

ее лишь для того, чтобы передать императору.

– Откуда тебе это известно?

– Я сам из Плиски, столицы нового болгарского царства. Я был сокольничим ее деда-хана и знал ее отца, пронзенного копьем в спину, видел смерть от хазарской стрелы ее бедной матери. Сироту приютили простолюдины, и спустя годы я вернулся, чтобы забрать ее из глиняного хлева в каменный дворец. У меня были письма с сургучными печатями царя и хана болгар по обе стороны от Хазарии. С приказом под страхом смерти доставить царевну к царственному родственнику в Плиску. Эти письма я хранил в обозе, перехваченном в караван-сараяе, там, где нас настигли печенег и передали вам.

Учитель на мгновение вспомнил, как пытался укрыть девочку в стогу, когда налетели кочевые злодеи, появившиеся на рассвете и заставшие стражников караван-сарая врасплох. Перед глазами еще раз пролетела его неуклюжая попытка бросить в костер секретные сопроводительные бумаги. Но в силу возраста он оказался не так расторопен.

***Плиска** – столица Болгарского царства с 681 по 893 г. Основателем города был хан болгар Аспарух, откочевавший со своим племенем под давлением хазар за Дунай. Нуждаясь в людских ресурсах, этот хан объединил под своей властью славянские племена Фракии и Валахии. С момента обоснования болгар за Дунаем, ассимиляции славян и взаимопроникновения культур, болгары стали именоваться болгарами (*Прим. автора*)

Огонь, обвив тубусы со свитками, едва подпалил кожу чехлов. Документы попали в руки врагов. Он же получил сапогом в живот от одного из налетчиков, после чего вскрикнула юная царица. Эмоция ее выдала. Царицу выволокли из укрытия и связали.

– Письма у меня! Но что еще доказывает ее происхождение?

– По виду вы опытный муж. Перепишите письма на пергамент, отправьте послание в Плиску, и за нами приедут, привезя выкуп.

– За нами? – хитро сощурился Иосиф, – нет, за тобой уже никто не приедет. Ценна только царица.

После этих слов дверь кельи отворилась, наемник Иосифа вошел внутрь и по знаку книжника перерезал наставнику горло.

Тайна является тайной, когда о ней знают избранные, Иосиф посчитал, что учитель царственной особы говорил слишком надменно, позволяя себе менторский тон в общении с держателем печати кагана. Нельзя говорить так перед ликом смерти, нужно уважать человека, от которого зависит твоя жизнь...

Жизнь этого бедолаги была целиком в руках самого влиятельного книжника при дворе могущественного кагана, хазарского вождя, покорившего народ болгар! А вел он себя так, словно образованнейший из мудрецов Хазарии нуждал-

ся в наставлениях и советах. Это тоже являлось одной из причин, почему Иосиф его не пощадил. Булгарин поплатился жизнью потому, что люди умирают и за меньшее.

Теперь Иосифу нужно было решать, кому из двух послать весточку о своей пленнице – василевсу в Константинополь через своего надежного партнера-владельца торговой фактории в одном из архонтов Византии, либо в столицу Булгар Плиску враждующему с византийцами царю болгар. Либо сразу двоим одновременно, чтобы понять кто из них заплатит наивысшую цену за этот драгоценный товар...

Спустя час он приказал привести девушку. Почти ничего не спрашивал, лишь узнал, что она умеет читать и писать. Это удивило Иосифа. Еще она сказала, что за смерть ее учителя отомстит царь Борис.

Иосиф посмеялся ее угрозе, он долго смотрел на нее, потом велел слугам снять с нее цепь, поселить в землянке и хорошо кормить.

Он принял решение, которое могло стоить ему головы, но разумно надеялся, что его смелость превратит его в вершителя венценосных судеб.

Книжник не доверил тексты писарю. Составив оба письма собственноручно, он запечатал свитки красным сургучом и вручил кожаные тубусы с коваными застежками двум своим гонцам...

Тем временем стража доложила о происшествии в борделе у ворот гавани. Варяги, которые были определены как

шпионы, устроили погром в заведении, не заплатив ни одной монеты, даже своей захудалой гривны, за подневольных шлюх.

Разве разведчики ведут себя так!? Разве не должны быть они тише воды!? Что за дикарское племя, эти непочтительные русы!

Глава 9. Погром

– Что это значит? – спросил маленький человек с ястребиным носом и свисающими пейсами. На его тонких пальцах перстень с печатью кагана смотрелся неестественно громоздко, но держался он весьма надменно и выглядел намного прямее, чем то сраженное страхом согбенное существо в Киеве, которое запомнил воевода...

Книжник смотрел свысока, хоть был на две головы ниже своего визави, приведенного стражниками на суд.

– Насколько я понимаю, вы гости в Итиле. Откуда такое неуважение к нашим законам.

Свенельд, воевода и посланник князя Олега, снаряженный в Хазарию с секретной миссией разведать обороноспособность столицы хазар, понимал, что его свита набедокурила в борделе, разгромив гнездо разврата до основания. Но до крайности, вроде, не дошло... И его берсерки, пятеро храбрых, каждый из которых стоил по меньшей мере двадцати мусульман из конной гвардии кагана, никого не убили, и по-

хоже, ничего не сожгли... Правда, с полной достоверностью Свенельд этого не знал и благодарил судьбу, что вверенный его опеке князем-регентом княжичь спал в это время на палубе.

– Досточтимый Иосиф, ты десница кагана, хранитель его печати, но неужто и ты не заметил, что мы никого не убили и ничего не сожгли? – неуверенно спросил Свенельд, надеясь услышать подтверждение своим словам и сомневаясь при этом, что дела обстояли именно так.

...Мужи со скуки наведались в местный бордель. Но там к ним не проявили должного гостеприимства. Посетители строили гнусные рожи, провоцировали на ответные действия.

Только после этих кривляний и под воздействием местного вина его дружинники отобрали красоток-рабынь у развлекающихся мусульман, опрокинув на них чаши с кумысом.

Всего и делов-то! Ну свернули шею, ну покалечили. А те завелись и извлекли палаши из ножен. Пришлось применить оружие, для острастки! Только чтоб поугагать! Вся пристань переполошилась. Сбежалась стража, окружившая таверну, его воинов захватили в плен и привели под конвоем к смотрителю за доменом и пристанью, вроде как на суд.

– Тебя там не было. Твои люди убили пятерых мусульманских воинов из гвардии кагана. При этом не бежали с места преступления, а глумились над трупами и пользовались прямо на них падших женщин. Не заплатив при этом ни среб-

реника. И мне стоило больших усилий смирить гнев их военачальников, готовых растерзать все ваше посольство.

– Так чего ж не растерзали?! – дерзнул спросить Свенельд, отгоняя наглостью кручину.

– Их судьба теперь в руках кагана. Их не посадят на кол. Но оставят здесь заложниками. До прохода и возвращения флота русов они будут оставаться в башне Молчания не в качестве узников, а как гарантия. Они будут отпущены после завершения похода войска князя Олега на Ширван и дележа добычи. Эти прискорбные события, что случаются вследствие несдержанности варяжских воинов недопустимы, по сему впредь ни один рус по велению кагана не может оказаться на берегу при мече, копье, топоре, булаве либо с луком и колчаном стрел. Негоцианты и воины ступят на землю Хазарии с ладей лишь невооруженными. Такова воля богоподобного кагана, повелителя Каспия и Понтия.

– Допустимо ли это? – зарычал Свенельд, – Так ли ведут себя с союзниками?

– Каган не напрашивался на союз! – прервал воеводу книжник, – Он согласился на сделку, и выдвинул свои условия лишь после из ряда вон выходящего происшествия. Из милосердия Повелитель не приказал тот час же лишить дебоширов и убийц жизни. Из уважения к князю он принимает их как почетных заложников будущей войны, выгодной и нам, и вам, русам. Не так ли!?

Иосиф потирал руки. Жизнь пяти мусульман-наемников

ничего не стоила для него. Они стали сакральной жертвой, возбудив ненависть вассалов кагана, исповедующих ислам, к северным варварам, которых даже византийцы именовали скифами.

Трупы убитых мусульман лежали на всеобщее обозрение, обернутые в саван, прямо перед крыльцом дома книжника, на специально воздвигнутом для этого парапете. Они служили укором главе варяжской миссии и являлись неопровержимым доказательством неумемного буйства гостей, по любому закону и в любой стране требующего суровой кары.

И, конечно же, происшествие стало прямым поводом для повышения бдительности при визите непрошенных гостей, особенно, когда этими гостями окажется целое войско русов, жадных до чужих земель и женщин...

Если бы русы не совершили подобного злодеяния, то его просто необходимо было выдумать. Если бы варяги не обагрили свои руки кровью мусульман, то нужно было бы поручить это ритуальное убийство надежным людям. И свалить вину на заезжих варягов. Но провокация удалась, и не пришлось ничего сочинять.

Горячность русов сама сделала за них свое дело, и очернит их в глазах собственного правителя. Как только князь Олег, прозванный подданными вещим, узнает, что произошло, ему не будет, что возразить на решение кагана Аарона, озвученное устами его правой руки.

Свенельд вернулся на ладью с поникшей головой. Княжич

все еще спал, да и какой толк от неопытного юноши, хоть он и наследник Рюрика. Тем более, князь-регент строго-на-строго предупредил, что в Хазарии они обычные купцы, торговцы.

«Что же делать? Как вызволить сородичей, заточенных в башне? Как при этом уцелеть и вернуться домой, выполнив поручение князя?»

Глава 10. Царевна.

Спустя неделю совместного сидения в хазарской Башне молчания, или «террариуме», названном так из-за узников, которых зачастую казнили, бросая к змеям, старец по имени Фотий подал голос:

– Не могу понять, с чего к тебе, доброе румяное существо, такое трепетное отношение со стороны соглядатаев, приставленных этим негодяем Иосифом?

В Башне Молчания защебетавший елеиным голоском, согбенный в три погибели и высохший как анатолийский финик старец считался старожилом. Он оказался здесь больше двух лет назад лишь потому, что поддержал гонения на иудеев в Константинополе и не согласился с новым догматом веры о филиокве*, ввязавшись в дискуссию об исхождении святого духа. Фотий слишком рьяно проповедовал в столице Византии, что святой дух исходит только от Отца, чем вызвал гнев отцов веры и самого императора.

Но на самом же деле, императора Льва бесило другое: Фотий совал свой нос куда не следует, копаясь в грязном белье, и утверждая, что император распутствует как блудник, и что сее не подобает венценосцу христианской цитадели мира.

По просьбе «иудейского банка», структуры, которая принадлежала радонитам и базировалась в крупнейших городах великого торгового пути, его выкрали гвардейцы императора-хазары, наемники на службе императорской короны, и выслали «краснобая» в Итиль. Император и новый патриарх, без ведома которых хазары бы не пошли на кражу влиятельного богослова, предали Фотия анафеме и молча согласились с его изгнанием.

Всем объявили, что Фотий пребывает в добровольной ссылке на родине его матери в Армении, а не в хазарской темнице. Всем было бы удобнее, если бы о Фотии забыли, но горстка его последователей превратилась сперва в сотню, потом в тысячу, а скоро и в целую тьму, готовую разыскать Фотия и поставить обличителя дворцового разврата, иудейских торгашей и римской курии во главе Вселенской Патриархии.

***Филиокве** (*лат. Filioque* – «и Сына») – один из поводов разделения Вселенской церкви на Западную (Римскую) и Восточную (Константинопольскую). Римская церковь в догмате о Троице настаивала, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына. (*Прим. автора*)

У фанатиков, готовых умереть за почитаемого праведника нашлись покровители среди друнгариев-командиров элитных тагм и даже стратиггов-полководцев, призвавших вернуть Фотия в столицу, а независимую патриархию болгар, провозгласившую независимую автокефалию, под омофор Византии. Так что Фотий превратился в политическую фигуру, весьма влиятельную в Константинополе, и его смерть теперь стала опасной, разве что его убьют какие-нибудь кочевники, конечно, случайно...

Когда месяц назад один из стражников Башни Молчания передал монаху «послание от друзей», заодно признавшись, что исповедует христианство и почитает его за святого, черноризник удивился. Не меньше он недоумевал, когда в темнице рядом с ним оказалось совсем юное создание, девушка с огромными словно озера глазами, из которых горел свет и в которой чувствовался стержень, несвойственный простолюдинкам.

Ему все два года заточения не давали ничего, кроме воды, похлебки из костей и корки хлеба два раза в день. А тут, на тебе: и рис, и жареные голуби, и лепешки, и сыр... И все какой-то незнатной узнице, неспелой словно кислая слива? Фотий должен был докопаться до правды, ведь здесь хватало времени на молчание и размышления, на молитвы и воспоминания, почему бы не посвятить несколько часов досужим разговорам с сокамерницей, ведь жизнь посылает знакомства либо для счастья, либо для приобретения мудрости.

– Я царевна... – не скрываясь, ответила девушка.

– Так уж и царевна? – сыграл недоверие монах, хотя его жизненного опыта хватило бы с лихвой, чтобы отличить ложь от правды.

– Да, царевна, а ты кто?

– А я монах, гнию здесь за веру и неосторожную проповедь.

– И в кого же ты веришь? – смерила царевна монаха оценивающим взглядом. Старик, пожалуй, был еще худее нее, он бы истлел до основания, так ей, по крайней мере, показалось, если б она его не решила подкармливать. Она делала это молча, целую неделю, в благодарность он и заговорил. Так она считала.

– В единого Бога, в сына его Иисуса, в святой дух, а не в идолов, как русичи, и не в Мамону, как фарисеи, подобные нашему тюремщику Иосифу.

– Он приказал убить моего наставника. И хазары ответят за это, и за то, что разъединили мой народ. Мой великий дед, я внучка его брата, болгарский царь Борис тоже принял твою веру, это ведь вера ромеев. Только это не помогло ему! И теперь меня хотят отдать в заложницы перемирия в Константинополь. Я залог мира...

– Ах вот как, ты внучатая племянница святого царя. Он спас многих, таких как я, в Моравии, и позволил нести свет язычникам, и не пощадил собственного сына, который пошел против веры. Сам же ушел в монастырь, и теперь царь

булгар другой его сын Симеон. Такой же праведный, как его отец.

– Это мой брат, но я его никогда не видела, правду говорят, что он очень могучий? Он вызволит меня отсюда...

– Он могучий, но он в состоянии войны с Византией, а Византия союзница Хазарии... Поэтому, наверное, ты здесь. В «Террариуме»... И живешь в соседстве со змеями. Но тебя при этом кормят намного лучше пресмыкающихся и стариков.

Девушка оценила шутку, но лишь снисходительно улыбнулась, посчитав смех в тюрьме недопустимой роскошью.

– Мне теперь ясно, почему тебя так берегут и так кормят, – продолжил Фотий, – Иосиф своего не упустит, он продаст тебя византийцам, и тогда император потребует у царя булгар другую заложницу, например его сестру. Уверен, что тебя царь Симеон даже не помнит, с сестрой ему будет расстаться гораздо тяжелее.

– То есть я не смогу помочь царю? Я не смогу стать заложницей? – едва не заплакала царевна.

– Не всегда, чтобы помочь надо стать заложником. Иногда став заложником, человек утрачивает возможность чем-либо помочь. Человек всегда сильнее, когда свободен. Возможно, ты принесешь своему дяде гораздо больше пользы на свободе, чем оставшись в плену у союзников его врагов. Сегодня мы выйдем из этой тюрьмы на волю, а там посмотрим, что принесет нам грядущее.

– Но как? Как мы отсюда выйдем? – не поверила царица.

– Оказывается есть способ, я и сам не верил... И есть люди, готовые нас выволочь. Для меня это было откровением, но молитва была услышана. Ночью за нами придут... Кстати, ты не сказала мне свое имя.

– У меня нет имени.

– А вот в этом ты лукавишь, у человека всегда есть имя.

– Даже у сироты, отца и мать которой убили в спину хазары, когда ей не было и года? Мое имя скрывали от меня, чтобы спасти... А то имя, что я носила в приемной семье, было настоящим. Мне оно не нравилось, и я стараюсь его забыть. Наставник-колабар при дворе моего деда, считавшийся магом, разыскал меня спустя долгие годы, только он знал мое настоящее имя, но обещал поведать его мне только в Плиске. Не успел. Поэтому я царица без имени...

– Не печалься, мы обязательно раздобудем и свободу, и имя... – помахал головой Фотий и перекрестился, погрузившись в молитву о спасении. Он всем сердцем верил, что его молитва будет услышана, но даже самые прозорливые праведники не ведают, как именно Проведение исполнит их мольбы.

Глава 11. Под парусом.

Для Игоря это было впервые. Он огрызнулся всесильному воеводе Свенельду, возглавляющему вторую по силе дружи-

ну в новом русском княжестве.

Всем, кто остался в ладье-драккаре*, бросившей якорь вдалеке от пристани, это было в диковинку. Ссора случилась здесь, в чужом царстве, и могла закончиться как угодно. Свенельд, воин грозный, мог разделаться с наследником киевского престола в два счета, свалив вину на хазар. Но юный княжич, похоже, вырос. У него хватило духу победить собственный страх и поставить на место самого Свенельда. Чего тут сказать, он Рюрикович...

Инцидент произошел поздней ночью, перед самым рассветом, когда Свенельд в суматохе собирал оставшихся людей, а ратников на ладье после пленения хазарами буйных берсерков оставалось всего двенадцать. Не спросив разрешения у Игоря, он приказал идти к берегу.

– Куда ты собираешься грести, Свенельд? – спросил княжич.

– А ты не знаешь? Там наши братья! – не внимая озабоченности княжича, воевода продолжал отдавать распоряжения.

– Ты кем себя возомнил, Свенельд, перед тобой княжич, соправитель государства!?! – Игорь дал волю гневу. И его раздражение на сей раз было направлено на сородича, что в конечном итоге помогло не ринуться в заведомо проигрышную бойню с превосходящим по силе и превышаемым в тысячи раз врагом.

– Предлагаешь сидеть и жевать сопли, когда мои берсерки

заточены в башне? И даже не попытаться их освободить? – не унимался воевода.

– У тебя есть план? – разумно предположил Игорь, вспоминая на ходу, как держится в случаях неповиновения ярлов, его наставник, вещий Олег.

***Драккары** (норв. *Drakkar*, от древнескандинавских *Drage* – «дракон» и *Kar* – «корабль», буквально «корабль-дракон») – деревянные корабли викингов разных размеров, способные вмещать от 20-ти до 140-ка воинов, с высоко поднятыми носом и кормой. На носовой оконечности-форштевне корабля для устрашения неприятеля зачастую крепилась голова дракона или хищного зверя. (Прим. автора)

– Мой план – довериться Одину и спасти товарищей по оружию!

– Твой план равнозначен гибели, князь Олег поручил тебе не погибнуть, а добыть сведения...

Дружинники, уже успевшие надеть нагрудники и поножи и расположившиеся у весел слушали молча и ждали развязки.

Никто не хотел умирать зазря, ни люди из окружения Свенельда, ни верные ратники Олега и княжича. Перевеса не было ни у кого. Все должно было разрешиться в верхах.

Гребцы-варяги замерли в ожидании команды. Либо грести на верную погибель, либо подальше от этих незнакомых берегов. Третьего не дано.

– Слушайте меня, – свирепо зарычал Свенельд, – грести к берегу, не бросая весел! Опускать их бережно и толкать воду! Подойдем незаметно к башне, перебьем всех этих ублюдков и спасем воинов Одина от позора или погибнем, с мечами в руках, и унесемся в Вальгаллу!

– Кто тронется с места, будет казнен за неповиновение! – пробуравил соколиным взглядом воеводу юный княжич, и воины узнали в нем Рюрика. Ни один не осмеливался опустить весла.

Дело могло закончиться кровавой развязкой прямо на борту, если бы не неожиданный возглас с подплывающего баркаса.

– Эй, на ладье! Купцы, принимайте гостей!

На подплывшую челну сбросили канат из толстой бечевы.

В этот же самый момент на пристани стало заметно большое оживление, взбудоражившее стаи чаек даже на скалах. Птицы взлетели, хлопая крыльями и крича тревогу вместе со стражей. Десятки факелов осветили башню Молчания. Беготня сопровождалась иноземным криком.

Как только лоцман взобрался на мачту, чтобы разглядеть, отчего переполошился город, в сторону лагуны полетели огненные шары. Горшки с промасленными фитилями метали из ковшей катапульта в стороны, противоположные стоящим на якоре купеческим ладьям, чтобы не задеть испуганных торговцев.

Это была всего лишь неуклюжая попытка осветить залив,

четкой цели в кого-то попасть не было. Но одно затхлое десятивесельное суденышко все же пострадало. Горящий кувшин разбился на палубе, и обитатели злополучной челны нырнули в воду.

Стало ясно одно: переполох вызван побегом узников из Башни Молчания. Расстояние до ладьи Игоря и Свенельда было внушительным. Однако, страже ничто не мешало снарядить лодки и обыскать судно за судном не только на пристани, но и в заливе.

Беглецы, старый монах-черноризник и девушка с красивым лицом и огромными глазами, с нескрываемой тревогой смотрели на берег с палубы приютившего их варяжского драккара, и по их молчаливым взглядам варягам сразу стало понятно, что вся это возня у «Террариума» и на крепостных стенах Итиля касается именно их.

– Поднимите парус... – взмолился монах, и уходите, пока есть шанс... Они ищут нас, меня и царевну.

– Почему мы должны спасать двух оборванных христиан. Не лучше ли их обменять на наших братьев! – злобно прошипел Свенельд.

Игорь согласился бы с воеводой, но только в одном случае – если бы сам предложил обмен. Молодой княжич уже вошел в раж, проявляя характер своего легендарного отца, и он отдал другой приказ кормчему:

–

Поднять парус! Мы идем домой!

Свенельд ринулся к Игорю, не стерпев такой обиды, но путь воеводе преградили ратники. Все обменялись недвусмысленными взглядами, но все обошлось без кровопролития. Кормчий уже выполнил приказ. Якорь подняли, и ветер подхватил судно, задувая против течения в полосатый парус.

– Мы бы ничего не добились, если бы затеяли обмен. Они унизили бы нас еще раз... – произнес Игорь, стоя на носу ладьи и устремляя свой взор вперед, – Они не выдали бы нам наших братьев, а нас в довесок обвинили бы в том, что именно мы устроили побег черноризника и царевны.

– Возможно, ты прав, – уже примирительно вставил Свенельд, увидевший, что его авторитет в этой ладье основательно подорван и не стоит испытывать судьбу лишней раз, – Но с чего ты взял, что эта оборванка царевна?

Княжич посмотрел на беглянку, потом на монаха, улыбнулся и сказал:

–

Она царевна.

Монах Фотий, уловив этот взгляд, сделал для себя не самые утешительные выводы. Случай привел его в ладью варягов, а этих неисправимых язычников Фотий недолюбливал, считая их не лучшей компанией. Никакие они не купцы, а воины. В доспехах и при мечах.

Да, случай и Божье проведение допустили невероятное. Он и юная царевна, были спасены, и немалую роль в их спасении сыграли ничего не подозревающие варяги. Однако,

удача имеет странную особенность обращаться бедой...

Что ожидало их в землях дикарей, имеющих славу отважных воинов и безжалостных наемников? Он вдруг вспомнил себя до гонений в облике Патриарха Империи, вспомнил внезапное появление варяжского флота, оказавшегося среди бела дня перед крепостью со стороны залива. Там, у воды стены были не так высоки, как со стороны суши. Осада могла закончиться взятием города, тем более ни императора, ни сколько-нибудь значимых военачальников в столице не было.

Тогда столицу спасло чудо. Он опустил мафорий* Богородицы в воду, и русы ушли в свое море, удовлетворившись добычей с окрестностей и даже не предполагая, что за стенами даже некому заправлять ковши катапульта.

***Мафорий** – риза (длинное женское покрывало с головы до пят) Богородицы. Одна из самых почитаемых и важных реликвий, связанных с историей Христианства. С 474-го года находился во Влахернском храме Богоматери в Константинополе. (*Прим. автора*)

Ведь даже гвардия ушла на войну с сарацинами. Что бы случилось, если б не молитва и не оказавшийся в столице мира плащ матери Господней! Вспоминая те дни, Фотий вознес свои глаза к небу и вновь поблагодарил Небеса.

Тот поход русов все еще стоял перед глазами. Они были сущим наказанием за грехи. Он боялся этих варваров, кото-

рые по убеждению Фотия играли ту же роль для Константинополя, что вандалы для Рима. Было кого бояться! Для них не существовало ничего святого.

По-настоящему Фотия испугало еще и другое. Он заметил взаимную симпатию со стороны двух молодых людей, видевший друг друга впервые. Царевны и юноши, верховодившего среди варягов.

Скорее всего он был знатного происхождения, иначе бы никто из опытных мужей не подчинился бы ему с таким рвением. Царевне понравился молодой человек, и эта искорка в ее бездонных глазах не могла остаться незамеченной прозорливым Фотием. Она смотрела на своего защитника, по одному взгляду, без подтверждающих свитков и грамот с сургучом, признавшему в ней царевну, с нескрываемым восторгом.

Весь путь Фотий слушал разговоры, и спустя несколько дней догадался, что юный княжич и есть наследник русского трона. Судьба вела монаха в суровый край, где провалились все миссии его предшественников, где потерпели фиаско ученики Кирилла и Мефодия, принесшие на Русь письменность из Моравии, а вместе с ней и славянскую Библию.

Варяги жгли Святые Книги и поклонялись истуканам. Он будет один на один с самим злом, и у него в стане врага не будет союзников. Кроме обязанной ему чудесным спасением болгарской царевны, да и та, похоже, уже очарована неотесанным нравом своего нового молодого идола по име-

ни Игорь...

«Как же беспечна эта юная дива. Она уже восхищается ныряльщиками, что изучают дно, и купается в реке вместе с их молодым предводителем... Да уж, и так непредусмотрительно, попирая всякую дистанцию, неподобающим образом заливается звонким смехом. Варяги улыбаются и деликатно отводят взоры, пытаясь оставить княжича наедине с девушкой. Он не позволяет ничего лишнего, ведь Игорь видит, что я слежу! Замечает ли он мой надзор? Или ему плевать!? Им хорошо и без моих далеко не зорких глаз»... – подумал полуслепой византийский черноризник и проникся глубокой печалью перед неизведанным чувством, что зовется любовью с первого взгляда...

В первый раз Игорь попытался поцеловать девушку еще на пути в Киев. Команда отдыхала после напряженного перехода по суше с реки Итиль к Дону, а Игорь предложил царевне покататься на лодке. С драккара спустили челну с двумя веслами, и пара оказалась наедине, далеко даже от глаз Фотия. Царевна тогда отпрянула, ее румяные щеки распространили красноту на все лицо, и она произнесла со слезами на глазах:

– Зачем смущаешь меня, княже? В твоих глазах я незнатна, поэтому ты потерял скромность, которая меня подкупила? Или ты не был бескорыстен, когда спас меня, значит я ошиблась в твоём благородстве? Или ты был неискренен, когда назвал меня царевной, не требуя никаких доказательств?

Я одна здесь. И из свиты со мной только немощный, хоть и ученый старец. Ты можешь силой овладеть мной, но знай ты забереешь тогда все, что у меня есть – мою невинность. Разве есть что-то чище, чем невинность девушки, у которой нет ни отца, ни матери, нет даже имени. Лучше для меня броситься в реку, чем стерпеть поругание.

– Прости меня, царевна... – сказал тогда Игорь, тронутый словами болгарской красавицы. Он долго греб веслами, пытаясь сгладить свою вину молчанием и улыбкой.

По прибытие в Киев воевода Свенельд и княжич рассказали регенту обо всем, что приключилось с ними в Хазарии. При этом Свенельд потребовал немедленной экспедиции войска, но получил категорический отказ регента.

Обиженного воеводу обходили стороной, и он, почувствовав себя изгоем в Киеве, удалился в свои угодья, решив самостоятельно готовиться к походу.

Глава 12. Новое имя.

Царь болгар Симеон, утомленный, но не разочарованный войной с продажными марионетками константинопольского василевса, пребывал в своем походном белом шатре на берегу Дуная. Вместе с патриархом и свитой из военачальников, здесь суетился и архитектор его новой столицы.

Симеон замыслил построить Преслав не как отражение Византии, а как новый Вавилон, превосходящий по славе

столицу мира. Чертежи архитекторов лежали на столе по соседству с картами предстоящих баталий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.